



ВОЕННО-ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ



Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) ПИ № ФС77-38319 от 10.12.2009. Издаётся с 2006 г., выходит ежемесячно.

№ 7

Учредитель: Издательская группа «Юрист»

Редационный совет:

Дугенец Александр Сергеевич,
заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук, профессор

Иванеев Сергей Васильевич,
кандидат юридических наук

Ковалев Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук, профессор

Колоколов Никита Александрович,
доктор юридических наук, профессор

Макаров Андрей Владимирович,
доктор юридических наук, профессор

Трунцевский Юрий Владимирович,
доктор юридических наук, профессор

Туганов Юрий Николаевич,
заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук, профессор

Фоков Анатолий Павлович,
доктор юридических наук, профессор

Хабибуллин Алик Галимзянович,
доктор юридических наук, профессор

Главный редактор:

Кочешев Сергей Петрович,
кандидат юридических наук

Ответственный редактор:

Бабенко Т.Д.

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., доктор юридических наук,
профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И., **Белых В.С.,** **Ренов Э.Н.,**
Платонова О.Ф., **Трунцевский Ю.В.**

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Тел./факс: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва, Космодамианская
наб., д. 26/55, стр. 7.

Подписные индексы:

по каталогу «Роспечать» — 20887;

«Каталог российской прессы» — 24273;

«Объединенный каталог» — 24782.

Также можно подписаться на сайтах:

www.gazety.ru; www.lawinfo.ru

Печ. л. 4,0. Тираж 2000 экз.

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Подписано в печать 18.06.2018.

Выход в свет 04.07.2018.

ISSN 2070–2108. Цена свободная.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Утяшов Э.К. Сравнительный правовой анализ режимов
военного положения современной России и ее союзников:
общее и особенное 3

Харитонов С.С. О некоторых аспектах привлечения
военнослужащих к материальной ответственности 6

Черкасова Н.Д. Некоторые правовые основы перемещения
военнослужащих органов Федеральной службы
безопасности по военной службе 9

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОХРАНА

Дзюба Р.Г. Теоретико-правовые аспекты поддержания
правовых режимов на государственной границе
Российской Федерации и приграничной территории
как одной из задач государственной политики
в области военно-морской деятельности 11

Холопова Е.Н., Ефремов Д.В. Оперативно-розыскная
характеристика незаконного пересечения Государственной
границы Российской Федерации на морском участке 17

ВОЕННАЯ ЮСТИЦИЯ

Степанов С.А. К вопросу о важности криминалистической
характеристики личности военнослужащего,
совершившего преступление насильственного характера,
не связанное с причинением смерти потерпевшему,
как одного из основных элементов криминалистической
характеристики преступления 21

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Кривенкова М.В. К вопросу об условиях законности
принимаемых государством контрмер 25

Кушир С.И. Изучение истории реформирования
военно-морских исправительных учреждений 2-й половины XIX в. 29

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ)

**Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации
для публикации основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук**



MILITARY JURIDICAL JOURNAL

Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
(Roskomnadzor) PI No FC77-38319 December, 10. 2009. Published since 2006, is published monthly.

No. 7



Founder: Publishing Group «JURIST»

Editorial Board:

Dugenets Alexander Sergeevich,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
doctor of juridical sciences, professor

Ivaneev Sergey Vasil'evich,
candidate of legal sciences

Kovalev Oleg Gennad'evich,
doctor of juridical sciences, professor

Kolokolov Nikita Aleksandrovich,
doctor of juridical sciences, professor

Makarov Andrey Vladimirovich,
doctor of juridical sciences, professor

Truntsevskij Yuriy Vladimirovich,
doctor of juridical sciences, professor

Tuganov Yuriy Nikolaevich,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
doctor of juridical sciences, professor

Fokov Anatolij Pavlovich,
doctor of juridical sciences, professor

Khabibulin Alik Galimzyanovich,
doctor of juridical sciences, professor

Editor in Chief:

Kocheshev Sergey Petrovich,
candidate of juridical sciences

Responsible editor:

Babenko T.D.

Editor in Chief

of Publishing Group «JURIST»:

Grib V.V.,
doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief

of Publishing Group «JURIST»:

Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E' N.,
Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A.,
candidate of juridical sciences

Tel./fax: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre:

(495) 617-18-88 (multichannel).

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Editorial / Publisher Office Address:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,

115035, Moscow.

Subscription in Russia:

Rospechat' — 20887;

Catalogue of the Russian press — 24273;

Unified Catalogue — 24782.

www.gazety.ru; www.lawinfo.ru

Printer's sheet 4,0.

Circulation 2000 copies.

Printed by "National Polygraphic Group".

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37.

Passed for printing 18.06.2018.

Edition was published 04.07.2018.

ISSN 2070-2108. Free market price.

CONTENTS

RELEVANT ISSUES OF MILITARY SERVICE

Utyashov E.K. Comparative Legal Analysis of Martial Law Regimes of the Modern Russia and Its Allies: General and Special3

Kharitonov S.S. On Some Aspects of Bringing Military Service Men to Financial Liability6

Cherkasova N.D. Some Legal Bases of Transfer of Military Service Men of Bodies of the Federal Security Service for Reasons of Military Service9

STATE SECURITY

Dzyuba R.G. Theoretical and Legal Aspects of Legal Regime Maintenance at the State Border of the Russian Federation and in the Border Area as One of the Tasks of the State Policy in the Navy 11

Kholopova E.N., Efremov D.V. Operational Search Characteristics of Trespassing the State Maritime Border of the Russian Federation 17

MILITARY JUSTICE

Stepanov S.A. On the Importance of Criminalistic Characteristics of the Identity of a Military Service Man Having Committed a Violent Crime not Involving Death of the Victim as One of the Key Elements of Criminalistic Characteristics of a Crime21

INTERNATIONAL EXPERIENCE

Krivenkova M.V. On Conditions for the Legitimacy of Counter Measures Adopted by a State25

Kushnir S.I. Research of the History of Reformation of Navy Penal Institutions of the Second Half of the XIX Century29

*The journal is included
in the database
of the Russian Science Citation Index*

**Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation
for publication of basic results of candidate and doctor of theses**



СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕЖИМОВ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ЕЕ СОЮЗНИКОВ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

*Утяшов Эдуард Климентьевич,
доцент кафедры теории права, государства и судебной власти
Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук
ueknet@rambler.ru*

Существующее сходство средств правового регулирования общественных отношений в ряде государств предопределяет общность их правовых режимов военного положения. Выявление общего и особенного в основаниях их введения, анализ содержания относительно-определенных норм права, методов осуществления указанных режимов способствуют формированию единых взглядов на механизм осуществления последовательных, непротиворечивых политических, организационных и военных мероприятий на случай введения режимов военного положения в трех союзных государствах. Правоприменительным органам государств, осуществляющим указанный режим, необходимы точные знания о юридических фактах — основаниях его введения, их особенностях и составах. Юридические факты — та область действия права, где правовые нормы непосредственно соприкасаются с жизнью, конкретной действительностью, поэтому уяснение их содержания важно для понимания фактической стороны правоотношений в условиях военного положения. В связи с этим выявлены некоторые общие проблемы, содержащиеся в правовом регулировании режима военного положения в России, Республике Беларусь и Республике Казахстан, связанные с необходимостью конкретизации ряда правовых предписаний, устранения коллизий и пробелов. Сформулированы предложения по решению ряда вопросов, поставленных по итогам проведенного исследования, в том числе для органов ОДКБ.

Ключевые слова: правовой режим военного положения, схожесть правового регулирования, уяснение оснований введения, пробелы и коллизии.

Comparative Legal Analysis of Martial Law Regimes of the Modern Russia and Its Allies: General and Special

*Utyashov Eduard K.
Assistant Professor of the Department of Theory of Law, State,
and the Judiciary of the Russian State University of Justice
Candidate of Legal Sciences*

The existing similarity of the means of legal regulation of social relations in a number of states, predetermine the similarity of their legal regimes of martial law. The identification of the general and the specific in the grounds for their introduction, the analysis of the content of the relatively defined norms of law, the methods for implementing these regimes contribute to the formation of unified views on the mechanism for the implementation of consistent, consistent political, organizational and military measures in the event of the introduction of martial law regimes in the three union states. Law enforcement agencies of states implementing this regime need accurate knowledge of legal facts — the reasons for its introduction, their features and compositions. Legal facts — that area of law, where the legal norms directly come into contact with life, with a concrete reality, therefore, understanding their content is important for understanding the actual side of legal relations in a martial law situation. In connection with this, some common problems in the legal regulation of the martial law regime in the Russian Federation, the Republics of Belarus and Kazakhstan have been identified, related to the need to specify a number of legal requirements, to eliminate collisions and gaps. Proposals have been formulated to address a number of issues raised by the results of the study, including for CSTO bodies.

Keywords: legal status of martial law, similarity of legal regulation, clarification of the grounds for introduction, gaps and collisions.



Схожесть правового регулирования общественных отношений, осуществляемого в современной России, Республике Беларусь, Республике Казахстан находит свое объяснение во многих исторических, политических, экономических и социальных факторах. Разумеется, что о полной идентичности правотворческой и особенно правоприменительной деятельности речь не идет, но общие закономерности развития, обусловленные родственностью правовых систем, остаточным влиянием социалистического прошлого, добрососедскими связями во многих сферах деятельности, общностью правосознания и правовой культуры сказываются и на состоянии правового регулирования. Единство интересов предопределило необходимость тесного взаимодействия и на международной арене, что нашло свое выражение в создании Евразийского экономического союза, направленного на углубление экономического взаимодействия между нашими государствами. Помимо этого, союзные государства связывает совместное участие в Договоре о коллективной безопасности (далее — ОДКБ)¹, целями которого являются укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности, защиты на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов. Отношения в военной сфере между ними регулируются двухсторонними договорами.

Нас связывает много общего и в специфических вопросах, например в видении осуществления режима военного положения. Анализ особенностей его правового регулирования позволяет выявить специфику оснований его введения, некоторые аспекты содержания правовых норм и принципов, регулирующих данный режим, методов правового регулирования, приоритетность тех или иных мероприятий, осуществляемых государствами в его условиях. Уяснение подлинного смысла относительно определенных, а то и абстрактных норм права, содержащихся в исследуемом законодательстве, может способствовать формированию как минимум доктрины, а в конечном счете — механизма последовательных, непротиворечивых осуществляемых по возможности параллельно организационных, политических и военных мероприятий на случай введения режимов военного положения в трех государствах.

Решение вопроса вводить или не вводить указанный режим предполагает, с одной стороны, точный анализ правовых норм и выяснение того, какие факты предусмотрены в качестве оснований введения режима военного положения; с другой стороны — тщательный анализ фактических обстоятельств ситуации и установление того, действительно ли наступили факты, предусмотренные в качестве этих оснований. С практической точки зрения осуществление режима военного положения в значительной степени зависит от деятельности право-

применительных органов, направленной в том числе и на уяснение гипотезы, подлежащей применению нормы права. Поэтому с точки зрения правореализационной деятельности необходимы точные и полные знания о юридических фактах — основаниях введения военного положения, их особенностях, разновидностях, составах. Юридические факты — та область действия права, где правовые нормы непосредственно соприкасаются с жизнью, конкретной действительностью. А это существенно важно для понимания фактической стороны правоотношений в условиях военного положения.

К основаниями введения военного положения законодательство относит:

— ч. 2 ст. 87 Конституции РФ и ч. 1 ст. 1 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» (далее — Закон № 1-ФКЗ²), «агрессию против Российской Федерации или угрозу непосредственной агрессии»;

— п. 29 ст. 84 Конституции Республики Беларусь «военную угрозу или нападение»³;

— п. 17 ст. 44 Конституции Республики Казахстан «агрессию против Республики либо непосредственную внешнюю угрозу ее безопасности»⁴.

Россия и Казахстан включили одним из оснований введения режима военного положения агрессию, конкретизация которого содержится в одноименной Резолюции 29-й Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г.⁵ и продублированы в Законе № 1-ФКЗ и Законе Республики Казахстан от 5 марта 2003 г. № 391-III «О военном положении» (далее — Закон № 391-III)⁶. Конкретизация схожего по содержанию основания — «нападение» дана в Законе Республики Беларусь от 13 января 2003 г. № 185-З «О военном положении» (далее — Закон № 185-З)⁷, в котором содержатся примерно те же самые фактические действия (фактические составы), что и предусматривает акт агрессии. Следует особо подчеркнуть, что Беларусь дополнительно в перечень таких оснований включила акт вооруженной агрессии против своих союзников по ОДКБ, что уже предусматривает одномоментное введение режима военного положения в этих государствах.

Наиболее сложными для уяснения являются вторые основания введения исследуемого режима: «угроза непосредственной агрессии», «военная угроза», «непосредственная внешняя угроза ее безопасности», которые

¹ Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 г. (с изменениями, внесенными Протоколом о внесении изменений в Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 07.10.2002, подписанным 10.12.2010). URL: <http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php>. ELEMENT_ID=124 (дата обращения: 20.05.2018).

² Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» // СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 375.

³ Пляхимович И.И. Комментарий к Конституции Республики Беларусь : в 2 т. Минск, 2015. Т. 1. 1224 с. ; Т. 2. 984 с.

⁴ Ведомости Парламента Республики Казахстан. 1996. № 4. Ст. 217.

⁵ Международное публичное право : сборник документов. Т. 2. М., 1996. С. 3–5.

⁶ Закон Республики Казахстан от 5 марта 2003 г. № 391-III «О военном положении» // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2003. № 4. Ст. 22.

⁷ Закон Республики Беларусь от 13 января 2003 г. № 185-З «О военном положении» // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь.



характеризуются применением законодателем оценочных понятий и относительных норм права. Имеющаяся в российском законодательстве конкретизация смысла юридического факта — «угрозы непосредственной агрессии» (ч. 3 ст. 3 Закона № 1-ФКЗ) как «...действия иностранного государства (группы государств), совершенные в нарушение Устава ООН, общепризнанных принципов и норм международного права и непосредственно указывающие на подготовку к совершению акта агрессии против Российской Федерации, включая объявление войны Российской Федерации», содержит оценочное понятие, нуждающееся в уменьшении ее объема.

Содержание понятия «военной угрозы» дано в Законе Республики Беларусь от 20 июля 2016 г. № 412-З «Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь», в которой под ней понимается «высший уровень военной опасности, при котором состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений характеризуется действиями другого государства (коалиции государств), а также негосударственных субъектов, включая террористические и экстремистские организации, указывающими на реальную возможность возникновения военного конфликта», содержит фактически такое же оценочное понятие.

Таким же относительно неопределенным основанием введения военного положения в Республике Казахстан является факт «непосредственной внешней угрозы ее безопасности». Пункт 7 ст. 1 Закона № 391-ІІ дает его разъяснение как «угрозы неприкосновенности государственной границы и применения силы в отношении Республики Казахстан, а также разведывательной, террористической, диверсионной и иной, направленной на нанесение ущерба национальной безопасности Казахстана деятельности специальных служб и организаций иностранных государств, а также отдельных лиц».

Обращает на себя внимание то, что законодатели применили категории правовой неопределенности, а именно оценочные понятия, не обладающие достаточно ясным содержанием и резким объемом. Уровень абстрактности норм режима военного положения различен и зависит от объема, сферы общественных отношений, регулируемых правовой нормой, от того, насколько поддаются формализованному, эмпирически фиксируемому описанию признаков фактических обстоятельств, регулируемых правом. Очевидно, что чем шире круг отношений, охватываемых нормой права, тем более обобщенным, отвлеченным и неопределенным становится ее содержание. Требования законодательной юридической техники предусматривают, что правовые нормы нацелены регламентировать общественные отношения с исчерпывающей конкретностью, ясностью, краткостью и полнотой. Конкретность их содержания определяется характером общественных отношений и целью регулирования. В то же время, когда нормы права принимаются в преддверии возникновения общественных отношений, на которые они рассчитаны, подобное «жесткое» регулирование не всегда целесообразно и просто объективно невозможно, так как нельзя предусмотреть всю динамику развития отношений в условиях военного положения. Поэтому

предполагается, что наличие дискреционных полномочий у органов государства и военного управления, диспозитивности правового регулирования предоставляет свободу усмотрения (индивидуального регулирования) правоприменителям в границах правового регулирования. Другими словами, правовая неопределенность позволяет учитывать особенности и вектор развития общественных отношений в условиях военного положения.

С другой стороны, отдавая на усмотрение правоприменителя право привязки конкретных условий жизни к юридическому формализму, общество тем самым сознательно создает условия для ограничения себя в целях своей безопасности, допуская при этом возможность субъективной оценки происходящего должностными лицами, органами государства, влекущие массовые ограничения прав и свобод граждан в условиях военного положения.

При наличии в законодательстве о военном положении относительно-определенных норм права, оценочных категорий, абстрактных понятий неизбежно возникновение коллизий, пробелов в правовом регулировании этих отношений.

Исходя из проведенного анализа следует несколько выводов.

Во-первых, наличие некоторой свободы усмотрения предполагает необходимость однородного, схожего толкования действующих норм с целью достижения единообразного их применения не только органами одного из государств, но и органами всех союзных государств. В этих целях представлялось бы целесообразным создание единого координационного органа при Совете коллективной безопасности или при Генеральном секретаре ОДКБ либо возложение полномочий на уже существующие его органы по выработке рекомендаций по единообразному толкованию и применению норм режима военного положения в союзных государствах.

Во-вторых, неизбежность коллизий. Применительно к режиму военного положения они обусловлены, с одной стороны, действующим законодательством, ориентированным на международные стандарты, общепризнанные нормы и принципы права, отражающие идеи правового государства, верховенство права, незыблемость прав человека. А с другой стороны — необходимостью сохранения своего суверенитета и защиты от агрессора, что невозможно осуществить без определенных ограничений. Их существование объясняется несогласованностью правового регулирования, осуществляемого различными органами государственной власти, компетенции и полномочия которых могут «пересекаться» при наличии относительно определенных норм права. Уже сейчас видны коллизии между конституционными нормами о запрете цензуры и нормами законодательства о военном положении, допускающими их создание: п. 15 ст. 7 Закона № 1-ФКЗ; ст. 1, 11, 15 Закона № 185-З; п. 18 ст. 6 Закона № 391-ІІ. Значит, существует необходимость уже сейчас пытаться их разрешить до момента введения военного положения, в противном случае не избежать споров о «незаконных приказах», противоречащих конституциям государств. Частично эту проблему мог бы снять



координационный орган путем выработки общих рекомендаций для правоприменительных органов.

В-третьих, пробелы в законодательстве нежелательны, однако они объективны и неизбежны. Никакой орган государства не сможет смоделировать и спрогнозировать все возможные ситуации в сфере общественных отношений, способных возникнуть в условиях военного положения, особенно связанных с фактической агрессией или нападением, и закрепить их в нормах права. Именно поэтому невозможно существование беспробельного, идеального права, адекватно отражающего действительность. В связи с этим возникает уместный вопрос о том, чем должен руководствоваться правоприменитель в лице органов государства, в том числе военного управления, командиров всех уровней в условиях режима военного положения при отсутствии норм права? В такой ситуации презюмируется возможность

использования иных правовых регуляторов, в том числе таких, как общие принципы права⁸. Например, принципа соразмерности ограничения прав в частной сфере путем определения объема сил и средств, необходимых государству для отражения агрессии или ее угрозы, в зависимости от уровня и масштаба военного конфликта.

Предлагаемое решение поставленных вопросов позволит органам государственной власти союзных государств добиться согласованности действий по осуществлению политических, правовых, организационных и военных мер, направленных на реализацию режима военного положения.

⁸ См.: Утяшов Э.К. Режим военного положения и правовые обычаи // Военно-юридический журнал. 2017. № 3 С. 6–10; Утяшов Э.К. Режим военного положения и общепризнанные принципы права: проблемы применения // Национальная безопасность. 2017. № 1. С. 87–95.

Литература

1. Утяшов Э.К. Режим военного положения и общепризнанные принципы права: проблемы применения / Э.К. Утяшов // Национальная безопасность. 2017. № 1. С. 87–95.
2. Утяшов Э.К. Режим военного положения и правовые обычаи / Э.К. Утяшов // Военно-юридический журнал. 2017. № 3. С. 6–10.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ К МАТЕРИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ*

*Харитонов Станислав Станиславович,
полковник юстиции запаса,
кандидат юридических наук, профессор
stass1964@gmail.com*

В статье анализируются спорные вопросы правоприменительной практики о привлечении военнослужащих и лиц, уволенных с военной службы, к материальной ответственности.

Ключевые слова: военная служба, военнослужащий, материальная ответственность военнослужащих.

On Some Aspects of Bringing Military Service Men to Financial Liability

*Kharitonov Stanislav S.
Retired Colonel of Justice
Candidate of Legal Sciences
Professor*

The article analyzes controversial questions of law enforcement practice on the involvement of servicemen and persons discharged from military service, to material responsibility.

Keywords: military service, serviceman, material responsibility of servicemen.

* Рецензент — Туганов Ю.Н., заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор.



Проблемные вопросы материальной ответственности военнослужащих на протяжении многих лет находятся в центре внимания военных юристов¹. В то же время правоприменительная практика дает возможность взглянуть на правовые нормы, регулирующие эту сферу военных отношений, с новой стороны.

Так, у командиров является устоявшимся мнение, что к полной материальной ответственности необходимо привлекать тех лиц, которым то или иное имущество передано под отчет. Однако при решении этого вопроса следует не только оценивать формальную сторону «дела» — есть ли документ, фиксирующий принятие имущества под отчет, но и в ходе разбирательства выяснять, где хранилось принятое под отчет имущество и могло ли лицо, которое приняло его под отчет, обеспечить его сохранность. Такие случаи не редкость на складах, когда по указанию соответствующего должностного лица все материальные средства собираются в одном месте, в едином хранилище.

При принятии решения о привлечении лица к материальной ответственности командир должен помнить, что в случае если недостающее имущество хранилось на складе, который закреплен не за тем лицом, которое получило имущество (например, для хранения) под отчет, а за другим лицом — начальником склада, то в этом случае аргумент о том, что поскольку имущество передано под отчет для хранения, выдачи, пользования и других целей определенному лицу, то это лицо и должно нести материальную ответственность в полном размере ущерба, уязвим с правовой стороны.

Дело в том, что согласно ст. 3 Федерального закона от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих» (далее — Федеральный закон «О материальной ответственности военнослужащих») и ст. 29 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495, основанием для привлечения военнослужащего к материальной ответственности являются его виновные действия (бездействие), в результате которых военному ведомству был причинен реальный ущерб.

В ст. 5 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» предусмотрены случаи, когда военнослужащие несут материальную ответственность в полном размере, в том числе когда ущерб причинен военнослужащим, которому имущество было передано под отчет для хранения, перевозки, выдачи, пользования и других целей. Поэтому, например, ес-

ли недостача имущества возникает на складе, куда оно было передано по указанию соответствующего командира, то именно начальник склада и обязан обеспечить должное хранение этого имущества и при его утрате нести установленную законом ответственность.

Другая ситуация складывается, когда лицо, которому передано под отчет имущество, своевременно не «перезакрепляет» его за подчиненными ему должностными лицами. Например, командир роты (батареи) не закрепляет полученное ему под отчет имущество за командирами взводов, старшиной роты и т.д.

При этом следует понимать, что отсутствие командира в подразделении по уважительным причинам (отпуск, командировка, стационарное лечение) во время проверки (инвентаризации), когда обнаруживается недостача, не позволяет этому командиру ссылаться на указанные обстоятельства, поскольку даже при убытии в отпуск имущество подразделения должно быть документально передано тому, кто будет исполнять обязанности командира подразделения.

Командиром воинской части при решении вопроса о привлечении такого командира подразделения к полной материальной ответственности необходимо учитывать, что в соответствии с требованиями ст. 144, 145 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации командир подразделения в мирное и военное время отвечает, помимо прочего, за состояние и сохранность вооружения, военной техники и другого военного имущества роты; за ведение ротного хозяйства. Он обязан организовывать своевременное получение, правильную эксплуатацию и ремонт вооружения, военной техники и другого военного имущества роты; проверять не реже одного раза в месяц их наличие, состояние и учет; всегда точно знать наличие, состояние вооружения, военной техники и другого военного имущества роты; сличать один раз в месяц данные ротного учета материальных средств с учетными данными полка; руководить ротным хозяйством.

Пунктами 82–84, 100, 105 Руководства по войсковому (корабельному) хозяйству в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденного Приказом министра обороны Российской Федерации от 3 июня 2014 г. № 333, определено, что ротное хозяйство — это составная часть войскового хозяйства и его основа. Основными задачами ротного хозяйства являются, в частности, обеспечение сохранности, правильного содержания и использования имеющихся в роте материальных ценностей. Ротное хозяйство организует командир роты. На него возлагаются руководство ротным хозяйством, контроль за его состоянием и обеспечение военнослужащих положенными материальными ценностями. Командир роты организует и обеспечивает ведение материально ответственными лицами роты установленных регистров учета движения полученных подразделением материальных ценностей. Получение материальных ценностей командир роты организует через своих заместителей, командиров взводов, старшего техника (техника) и старшину роты.

Таким образом, можно сделать вывод, что командир роты является материально ответственным лицом.

¹ См., например: Воробьев Е.Г. О соотношении материальной и дисциплинарной ответственности военнослужащих // Военно-юридический журнал. 2009. № 9. С. 10–24; Цой В.И. Подсудность военным судам гражданских дел о материальной ответственности военнослужащих // Военно-юридический журнал. 2011. № 7. С. 11–16; Петухов Н.А., Шеншин В.М. Об особенностях привлечения военнослужащих к ограниченной материальной ответственности за ущерб, причиненный имуществу воинской части в сфере охраны окружающей среды: проблемные вопросы и пути их решения // Военно-юридический журнал. 2016. № 12. С. 25–29; Туганов Ю.Н., Балабанов Н.Н. Настольная книга судьи военного суда по гражданским делам. М.: За права военнослужащих, 2011.



По общему правилу к материально ответственным лицам применяется принцип презумпции вины, заключающийся в том, что в случае недостачи, утраты материальных ценностей, вверенных таким военнослужащим, они, а не воинская часть должны доказать, что это произошло не по их вине.

Из содержания ст. 5 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» следует, что полная материальная ответственность наступает, в частности, когда ущерб причинен военнослужащим, которому имущество было передано под отчет для хранения, перевозки, выдачи, пользования и других целей.

Принимая во внимание возложенную на командира подразделения обязанность обеспечивать сохранность и учет, правильное содержание и использование имеющихся в подразделении материальных ценностей, с высокой степенью уверенности можно утверждать, что поступающее в подразделение имущество, за которое необходимо отчитываться, передается командиру роты для соответствующих целей именно под отчет.

Отсутствие же в данном случае характерного для материально ответственных лиц признака исключительности доступа к имуществу (когда, например, ключи от помещений с хранящимся имуществом есть у ряда военнослужащих, подчиненных командиру роты) компенсируется полномочиями командира роты по закреплению материальных ценностей за должностными лицами подразделения. Поэтому если командир роты своевременно не закрепил материальные ценности за должностными лицами подразделения (за старшиной роты, командирами взводов и отделений), утрата имущества влечет материальную ответственность командира роты в полном размере причиненного ущерба.

Нередки случаи, когда военнослужащий, привлеченный приказом командира к материальной ответственности за причиненный ущерб на основании п. 1 ст. 4 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» в размере одного оклада месячного денежного содержания и одной месячной надбавки за выслугу лет с удержаниями из денежного довольствия, не оспаривает приказ, но увольняется с военной служ-

бы и к моменту исключения из списков личного состава части в связи с увольнением с военной службы не возмещает причиненный материальный ущерб.

В подобных случаях командиру при определении дальнейших своих действий необходимо руководствоваться требованиями п. 1 ст. 9 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих», где определено, что в случае, когда привлеченный к материальной ответственности военнослужащий (гражданин, призванный на военные сборы) не возместил ко дню увольнения с военной службы (окончания сборов) причиненный ущерб, оставшаяся за ним задолженность взыскивается по правилам исполнительного производства, установленным законодательством Российской Федерации.

В соответствии с п. 1 ст. 12 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее — Федеральный закон «Об исполнительном производстве») исполнительными документами, направляемыми (предъявляемыми) судебному приставу-исполнителю, являются, в частности, акты других органов в случаях, предусмотренных федеральным законом.

Представляется, что приказ командира, изданный в порядке, предусмотренном п. 1 ст. 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих», относится к числу исполнительных документов, указанных в подп. 8 п. 1 ст. 12 Федерального закона «Об исполнительном производстве».

Следовательно, все действия, связанные с исполнением приказа командира о привлечении к материальной ответственности военнослужащего, уволенного с военной службы и не возместившего причиненный воинской части ущерб, возложены, в соответствии с положениями ст. 5 Федерального закона «Об исполнительном производстве», на Федеральную службу судебных приставов и ее территориальные органы.

В заключение отметим, что приведенные примеры демонстрируют необходимость внимательного изучения командиром воинских частей соответствующего законодательства при определении алгоритма своих действий при привлечении военнослужащего к материальной ответственности.

Литература

1. Воробьев Е.Г. О соотношении материальной и дисциплинарной ответственности военнослужащих / Е.Г. Воробьев // Военно-юридический журнал. 2009. № 9. С. 10–24.
2. Гусейнова Н.Ч. Комментарий к Федеральному закону «О материальной ответственности военнослужащих» (постатейный) / Н.Ч. Гусейнова, А.В. Титов, А.И. Тюрин. М.: За права военнослужащих, 2010. 208 с.
3. Туганов Ю.Н. Настольная книга судьи военного суда по гражданским делам / Ю.Н. Туганов, Н.Н. Балабанов. М.: За права военнослужащих, 2011. 415 с.
4. Цой В.И. Подсудность военным судам гражданских дел о материальной ответственности военнослужащих / В.И. Цой // Военно-юридический журнал. 2011. № 7. С. 11–16.



НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ОРГАНОВ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ ПО ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ*

*Черкасова Наталья Дмитриевна,
сотрудник Центра исследования проблем российского права «Эквитас»
avtor@lawinfo.ru*

В настоящее время мы можем наблюдать, что процессы, связанные с прохождением военной службы, постоянно модернизируются и совершенствуются. В рамках статьи автор рассматривает правовые основы, связанные с регулированием назначения военнослужащих на вышестоящие, равные и нижестоящие воинские должности, а также основания перевода военнослужащих к новому месту службы.

Ключевые слова: *прохождение военной службы, назначение на воинскую должность, перевод к новому месту службы.*

Some Legal Bases of Transfer of Military Service Men of Bodies of the Federal Security Service for Reasons of Military Service

*Cherkasova Natalya D.
Employee of the Equitas Center for Russian Law Research*

At present, we can observe that the processes associated with the passage of military service are constantly being modernized and improved. Within the framework of the article, the author considers the legal framework related to the regulation of the appointment of military personnel to higher, equal and lower military positions, as well as the grounds for the transfer of military personnel to a new place of service.

Keywords: *passing of military service, appointment to a military position, transfer to a new place of service.*

Пункт 1 ст. 10 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (далее — Закон № 76-ФЗ) гласит: «Право на труд реализуется военнослужащими посредством прохождения ими военной службы»¹.

Профессор А.В. Кудашкин отмечает, что прохождение военной службы является особой разновидностью трудовой деятельности, имеющей ярко выраженную специфику из-за сферы ее применения — оборона и военная безопасность. Осуществление указанной деятельности происходит как в форме воинской обязанности (прохождение военной службы по призыву), так и в добровольном порядке (прохождение военной службы по контракту). Именно последняя форма прежде всего реализует право на воинский труд².

¹ Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (принят Госдумой 06.03.1998 г.; одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 12.03.1998, по состоянию на 01.07.2017) «О статусе военнослужащих» // СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.

² Кудашкин А.В. Продвижение по службе (карьера) как основной элемент и стимул прохождения военной служ-

бы // Российский военно-правовой сборник. М., 2006. С. 41.

В соответствии с законодательством Российской Федерации военная служба предусмотрена в органах Федеральной службы безопасности. Прохождение военной службы включает в себя назначение на воинскую должность, присвоение воинского звания, аттестацию, увольнение с военной службы, а также другие обстоятельства (события), которыми в соответствии с Законом № 76-ФЗ, другими федеральными законами определяется служебно-правовое положение военнослужащих³.

В соответствии с Положением о порядке прохождения военной службы назначение военнослужащего на высшую воинскую должность производится:

— в порядке продвижения по службе (для военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, с его согласия);

бы // Российский военно-правовой сборник. М., 2006. С. 41.

³ Указ Президента РФ от 16 сентября 1999 г. № 1237 (по состоянию на 27.12.2017) «Вопросы прохождения военной службы (вместе с положением о порядке прохождения военной службы)» // СЗ РФ. 1999. № 38. Ст. 4534.

* Рецензент — Туганов Ю.Н., заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор.



— по итогам конкурса (для военнослужащего, проходящего военную службу по контракту)⁴.

Назначение военнослужащего на равную воинскую должность производится:

- а) по служебной необходимости;
- б) в связи с организационно-штатными мероприятиями;
- в) для более целесообразного использования военнослужащего на военной службе;
- г) по семейным обстоятельствам по личной просьбе (для военнослужащего, проходящего военную службу по контракту);

д) по состоянию здоровья в соответствии с заключением военно-врачебной комиссии (для военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, с его согласия);

е) по итогам конкурса (для военнослужащего, проходящего военную службу по контракту)⁵.

Назначение военнослужащего на низшую воинскую должность производится:

а) в связи с организационно-штатными мероприятиями — при невозможности назначения военнослужащего на высшую или равную воинскую должность (для военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, с его согласия);

б) по семейным обстоятельствам по личной просьбе (для военнослужащего, проходящего военную службу по контракту);

в) по состоянию здоровья в соответствии с заключением военно-врачебной комиссии (для военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, с его согласия);

г) по личной просьбе (для военнослужащего, проходящего военную службу по контракту);

д) в порядке реализации дисциплинарного взыскания «снижение в должности» или «снижение в воинском звании на одну ступень с переводом на низшую должность», а также в случае если в течение года после наложения дисциплинарного взыскания «предупреждение о неполном служебном соответствии» прапорщик (мичман) или офицер не исправил своего поведения образцовым выполнением воинского долга и взыскание не сыграло своей воспитательной роли³.

Таким образом, назначение военнослужащих на должность является одним из средств реализации права военнослужащего на перемещение по службе.

Необходимо отметить, что военная служба характеризуется главным образом динамичностью, которая проявляется в том, что военнослужащие в период прохождения военной службы неоднократно перемещаются по службе и меняют место военной службы⁵.

В соответствии с законом военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, имеют право на

изменение места военной службы, в том числе на перевод в другую местность, в соответствии с заключенными ими контрактами, с учетом условий прохождения военной службы, состояния здоровья военнослужащих и членов их семей (на основании заключения военно-врачебной комиссии) и по иным основаниям, устанавливаемым Положением о порядке прохождения военной службы¹.

Военнослужащий может быть переведен к новому месту военной службы из одной воинской части в другую (в том числе находящуюся в другой местности) в пределах Вооруженных Сил Российской Федерации (других войск, воинских формирований или органов, воинских подразделений федеральной противопожарной службы) в следующих случаях:

- а) по служебной необходимости;
- б) в порядке продвижения по службе;
- в) по состоянию здоровья в соответствии с заключением военно-врачебной комиссии;
- г) по семейным обстоятельствам по личной просьбе (для военнослужащих, проходящих военную службу по контракту);

д) по личной просьбе (для военнослужащих, проходящих военную службу по контракту);

е) в связи с организационно-штатными мероприятиями;

ж) в связи с плановой заменой (для военнослужащих, проходящих военную службу по контракту);

з) в связи с зачислением в военно-учебное заведение, адъюнктуру, военную докторантуру;

и) в связи с отчислением из военно-учебного заведения, адъюнктуры, военной докторантуры;

к) если с учетом характера совершенного преступления военнослужащий, которому назначено наказание в виде ограничения по военной службе, не может быть оставлен в должности, связанной с руководством подчиненными³ (вопросы судебной практики по перемещению военнослужащих рассматривали в своих работах Н.Н. Балабанов и Ю.Н. Туганов⁶).

Таким образом, законодательством о порядке прохождения военной службы предусмотрено 10 оснований перевода военнослужащих к новому месту службы. В связи с этим классифицировать переводы можно в зависимости от следующего: инициативы самих военнослужащих или командования; изменения места военной службы; воинской должности; способа перемещения; способа поступления на военную службу.⁷

Анализ показал, что перемещение военнослужащих к новому месту службы осуществляется с учетом норм, регулирующих порядок назначения на воинские должности. При этом перемещение по военной службе зачастую влечет за собой изменение должностных обязанностей, а также содержания правового обеспечения военнослужащего.

⁴ Тюрин А.И. Назначение на высшие воинские должности как правовой стимул исполнения обязанностей военной службы // Право в Вооруженных Силах. М., 2005. С. 2.

⁵ Шанхаев С.В. Прохождение военной службы по контракту: практические рекомендации. М.: За права военнослужащих, 2008. С. 48.

⁶ Балабанов Н.Н., Туганов Ю.Н. Настольная книга судьбы военного суда по гражданским делам. М.: За права военнослужащих, 2011. 416 с.

⁷ Шанхаев С.В. Указ соч. С. 55.



Литература

1. Кудашкин А.В. Продвижение по службе (карьера) как основной элемент и стимул прохождения военной службы / А.В. Кудашкин // Российский военно-правовой сборник. 2006. № 5. С. 41–44.
2. Туганов Ю.Н. Настольная книга судьи военного суда по гражданским делам / Ю.Н. Туганов, Н.Н. Балабанов. М. : За права военнослужащих, 2011. 415 с.
3. Тюрин А.И. Назначение на высшие воинские должности как правовой стимул исполнения обязанностей военной службы / А.И. Тюрин // Право в Вооруженных Силах. 2005. № 9. С. 2–5.
4. Шанхаев С.В. Прохождение военной службы по контракту: практические рекомендации / С.В. Шанхаев. М. : За права военнослужащих, 2008. 144 с.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОДДЕРЖАНИЯ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПРИГРАНИЧНОЙ ТЕРРИТОРИИ КАК ОДНОЙ ИЗ ЗАДАЧ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ВОЕННО-МОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

*Дзюба Руслан Георгиевич,
специалист юридического отдела
Центра исследования проблем Российского права «Эквитас»,
соискатель
ddrrgg@list.ru*

В статье рассматриваются некоторые теоретико-правовые аспекты поддержания правовых режимов на государственной границе Российской Федерации и приграничной территории, являющегося одной из основных задач государственной политики в области военно-морской деятельности в сфере государственной и общественной безопасности.

Ключевые слова: правовые режимы, государственная граница, режим государственной границы.

Theoretical and Legal Aspects of Legal Regime Maintenance at the State Border of the Russian Federation and in the Border Area as One of the Tasks of the State Policy in the Navy

*Dzyuba Ruslan G.
Specialist of the Legal Department of the Equitas Center for Russian Law Research
Degree-Seeking Student*

The article deals with some theoretical and legal aspects of the maintenance of legal regimes on the state border of the Russian Federation and the border area, which is one of the main objectives of the state policy in the field of naval activities in the field of state and public security.

Keywords: the legal regime, state border, regime of the state orders.

* Рецензент — Туганов Юрий Николаевич, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

В условиях активной государственной политики Российской Федерации и ряда других государств формируется многополярный мир, где на первое место выходит борьба за сферы влияния, обладание стратегическими запасами ресурсов и, как следствие, потребность в обеспечении военной, государственной и экономической безопасности, сохранении независимости национальных экономик при сохранении выгодных интеграционных связей.

Одной из сфер указанного противостояния является Мировой океан, где Российской Федерации за последнее десятилетие удалось не только утвердиться, но и поступательно расширить свое присутствие, доказывая право быть «ведущей морской державой»¹.

В частности, реконструируются имеющиеся и строятся новые современные порты. Самый молодой морской порт России — ямальский порт Сабетта — стал лидером по темпам роста грузооборота среди всех российских портов, увеличив перевалку грузов почти в три раза — с 2,8 млн в 2016 г. до почти 8 млн тонн в 2017 г.²

По информации Федерального агентства морского и речного транспорта грузооборот морских портов России в 2017 г. составил 786,97 млн тонн, увеличившись по сравнению с 2016 г. на 9%³. Достаточно активно возрождается Северный морской путь. Так, например, объем грузоперевозок по итогам прошлого года составил 10,7 млн тонн, что на 42,6% больше показателей 2016 г.⁴ Следует заметить, что, в 70–80-е гг. прошлого столетия объем перевозимых грузов составлял в среднем 6,5 млн тонн⁵. Развивается транзитный потенциал Северного морского пути в страны Азиатско-Тихоокеанского региона (в 2017 г. перевезено 194,4 тыс. тонн).

Реализуются уникальные проекты по добычи нефти на арктическом шельфе (месторождение Приразломное в Печорском море). По оценкам экспертов добыча нефти на арктическом шельфе России к 2030 г. возрастет в 3,6 раза — до 2,2 млн баррелей в нефтяном эквиваленте в сутки⁶.

Россия, являясь основным оператором в Арктике и имея 30 дизельных и четыре атомных ледокола, осуществляет проектирование и строительство новых, отвеча-

ющих современным требованиям проектов ледокольного флота (проекты 10510 «Лидер», 22220 «Арктика», «Сибирь», «Урал», 21180 «Илья Муромец» (первый за последние 45 лет ледокол, созданный исключительно для нужд ВМФ⁷).

Уже не вызывает удивления присутствие кораблей Военно-морского флота в водах Аденского залива, Средиземного, Восточно-Сибирского морей и моря Лаптевых.

Основополагающим документом, определяющим государственную политику Российской Федерации в области морской деятельности — национальную морскую политику Российской Федерации, является Морская доктрина Российской Федерации⁸, устанавливающая защиту территории Российской Федерации от агрессии с океанских и морских направлений, охрану государственной границы Российской Федерации на море в качестве одной из основных целей национальной морской политики.

Обеспечение неприкосновенности государственной границы Российской Федерации является одним из основополагающих принципов национальной морской политики и содержанием военно-морской деятельности сил (войск) Военно-Морского Флота, а также сил и средств органов федеральной службы безопасности до 2030 г.⁹

Основы государственной политики в области военно-морской деятельности на период до 2030 года определяют, что в перечне основных целей государственной политики в области военно-морской деятельности, в сфере государственной и общественной безопасности поддержание в соответствии с международными договорами Российской Федерации правовых режимов на государственной границе Российской Федерации, приграничной территории, в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе Российской Федерации, а также в акваториях Каспийского и Азовского морей.

Данная задача актуализирует необходимость в военно-правовой науке всестороннего исследования такого правового инструмента, как правовые режимы, установленные на государственной границе Российской Федерации и приграничной территории в морских пространствах, а также выработки рекомендаций по их правовому обеспечению.

Отдельные аспекты правовых режимов, установленных на государственной границе и приграничной территории, исследовались К.В. Фатеевым с точки зрения обеспечения военной безопасности государства¹⁰,

¹ Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года (утв. Президентом Российской Федерации от 27.07.2001). URL: <https://www.president.kremlin.ru> (дата обращения: 17.05.2016).

² Российское портовое хозяйство вызывает зависть у соседей. URL: <http://новости-россии.ru-an.info/новости/российское-портовое-хозяйство-вызывает-зависть-у-соседей/> (дата обращения: 03.03.2018).

³ Там же.

⁴ Перевозки по Северному морскому пути выросли почти на 43% в 2017 году. URL: <http://новости-россии.ru-an.info/новости/перевозки-по-северному-морскому-пути-выросли-почти-на-43-в-2017-году/> (дата обращения: 03.03.2018).

⁵ Возрождение Северного морского пути. URL: <https://www.mintrans.ru/press-center/news/1168> (дата обращения: 03.03.2018).

⁶ Добыча нефти на арктическом шельфе РФ к 2030 г. может вырасти в 3,6 раза. URL: <http://tass.ru/ekonomika/4135363> (дата обращения: 03.03.2018).

⁷ ВМФ России вскоре получит первый за 45 лет ледокол. URL: http://ng.ru/armies/2016-06-10/100_pr21180.html (дата обращения: 07.03.2018).

⁸ Морская доктрина Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации от 26.07.2015) // Морская политика России. Люди. События. Факты. 2015. № 13.

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 20 июля 2017 г. № 327 «Об утверждении Основ государственной политики в области военно-морской деятельности на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2017. № 30. Ст. 4655.

¹⁰ См. подробнее: Фатеев К.В. Военная безопасность Российской Федерации и правовые режимы ее обеспечения (тео-



В.Б. Рушайло — с позиции обеспечения общественной безопасности¹¹, А.А. Симаковым — правоприменительная сторона вопроса¹² и другими.

В частности К.В. Фатеев отмечал, что правовые режимы обеспечения безопасности пограничного пространства Российской Федерации направлены на организацию порядка регулирования пограничной и военной безопасности и выражаются в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также обязываний и создающих особую направленность регулирования при защите суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации¹³.

Разрабатывая концептуальные основы стратегического развития пограничной службы федеральной службы безопасности, В.Е. Проничев обращал внимание на недостаточность разработки идей концепции специальных правовых режимов в государстве¹⁴.

Анализ вышеуказанных и иных работ, посвященных правовым режимам, регулирующим правовые отношения в пограничной сфере, выявил недостаточность разработки вопросов специфики их действия в морских пространствах, что актуализирует настоящее исследование.

На сегодняшний день основополагающим правовым актом, регулирующим правовые режимы, посредством которых регулируются отношения в интересах функционирования и обеспечения защиты и охраны государственной границы, является Закон Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» (далее — Закон «О Государственной границе Российской Федерации»)¹⁵.

Данным законом устанавливаются в пограничной сфере три правовых режима: режим государственной границы, пограничный режим и режим в пунктах пропуска через государственную границу.

При этом правовые режимы, установленные на государственной границе и приграничной территории в морских пространствах, имеют свою специфику, обусловленную не только физико-географическими услови-

ями, но и историческими предпосылками их зарождения и развития.

В процессе совершенствования правовых режимов в пограничной сфере на море, выявленном в ходе исторического анализа нормативных и иных правовых актов, прослеживается четкая периодизация, включающая:

— период возникновения и становления правил (начало XVIII в. — конец XIX в.), характеризующийся установлением различных таможенных правил для защиты экономических интересов российского государства с моря и формированием специальных контрольных органов в этих целях, определением пространственных пределов действия правил как на море, так и на берегу;

— период развития правил (конец XIX в. — начало XX в.), начало которого связано с созданием Отдельного корпуса пограничной стражи, решавшего на море и побережье более широкий, чем только таможенные, ряд задач (зарождение пограничных задач), в рамках которых совершенствовались формы и способы служебной деятельности его подразделений и кораблей, формировались новые требования к плаванию судов в прибрежных акваториях и осуществлению деятельности на побережье;

— период оформления строго регламентированных режимных правил (начало XX в. — середина XX в.), характеризующийся ужесточением, под влиянием военно-политической обстановки и политико-экономических интересов государства, правил осуществления различных видов деятельности в приграничных районах, в том числе и на морском побережье и прибрежных водах;

— период возникновения собственно правовых режимов (60-е–80-е гг. XX в.), связанный с определением пространственных пределов морских пространств и их статуса, установлением государственной границы по внешнему пределу территориального моря и закреплением понятий «режим государственной границы» и «пограничный режим» законодательным актом государства;

— период совершенствования правовых режимов в пограничной сфере в рамках национальных правовых актов суверенных государств (90-е гг. XX в. — н.в.), связанный с прекращением существования СССР, образованием независимых государств на его территории и принятием Закона «О Государственной границе Российской Федерации», устанавливавшим режим государственной границы, пограничный режим и режим в пунктах пропуска через государственную границу, дальнейшим совершенствованием норм их устанавливающих и правил в них содержащихся.

Указанная периодизация обосновывает объективно существующий процесс видоизменения и совершенствования правовых режимов в пограничной сфере и режимных правил. При этом на динамику и характер изменений может оказывать влияние: потребности в обеспечении безопасности государства в морских пространствах, необходимости форсирования развития морской экономической (хозяйственной) деятельности, возможности сил и средств Федеральной службы безопасности.

Итак, представляется необходимым определить современное содержание правовых режимов, чему будет

ретику-правовое исследование). М.: Военный университет, 2004. 234 с.

¹¹ Рушайло В.Б. Специальные административно-правовые режимы в Российской Федерации: дис. д-ра юрид. наук. М., 2004. 347 с.

¹² Симаков А.А. Организационно-правовая деятельность пограничных подразделений Федеральной службы безопасности Российской Федерации по привлечению к административной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2016. 219 с.

¹³ Фатеев К.В. Указ. соч. С. 156.

¹⁴ Проничев В.Е. Теоретические, организационные и правовые основы стратегического развития пограничной службы федеральной службы безопасности: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2007. С. 17.

¹⁵ Закон от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 (по состоянию на 03.07.2016) «О Государственной границе Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 17. Ст. 594.

способствовать выделению следующих классификационных признаков:

- уровень правового регулирования;
- порядок установления правил;
- регулирующий субъект;
- пространственные пределы действия;
- охраняемый объект;
- нормативное содержание;
- время (срок) действия режимных правил;
- возможность ослабления / усиления режима.

Посредством указанных признаков осуществлена декомпозиция правовых режимов в пограничной сфе-

ре (исключая режим в пунктах пропуска через государственную границу), позволяющая определить их сходства и различия (см. табл.).

Как следует из приведенного сравнительно-правового анализа, соотношение правовых режимов по предположенным классификационным признакам позволяет заключить, что:

- несмотря на единый правовой акт, устанавливающий исследуемые правовые режимы, по уровню правового регулирования они не тождественны, в частности режим государственной границы с учетом его правовой основы относится к числу международно-правовых ре-

Таблица

Классификационные признаки правовых режимов в пограничной сфере

Классификационные признаки	Вид правового режима	
	Режим государственной границы (ст. 9 Закона «О Государственной границе Российской Федерации»)	Пограничный режим (ст. 16 Закона «О Государственной границе Российской Федерации»)
Уровень правового регулирования	Международные акты, закон и подзаконные акты	Закон, ведомственные правовые акты
Порядок установления правил	Законом Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации», другими федеральными законами, международными договорами Российской Федерации, порядок реализации отдельных правил устанавливается Правительством Российской Федерации	Законом Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации», конкретное содержание, пространственные и временные пределы действия правил пограничного режима, круг лиц, в отношении которых те или иные из указанных правил действуют, устанавливаются и отменяются решениями федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в области безопасности
Регулирующий субъект	Правительство Российской Федерации	Федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный в области безопасности
Пространственные пределы действия	Государственная граница и территория вблизи нее	Пограничная зона, российская часть вод пограничных рек, озер и иных водных объектов, внутренние морские воды и территориальное море Российской Федерации
Охраняемый объект	Государственная граница	Территории, входящие в пограничную зону, акватории российской части вод пограничных рек, озер и иных водных объектов, внутренних морских вод и в территориальное море Российской Федерации
Нормативное содержание	Правила содержания государственной границы; Правила пересечения государственной границы лицами и транспортными средствами; Правила перемещения через государственную границу грузов, товаров и животных; Правила пропуска через государственную границу лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных; Правила ведения на государственной границе либо вблизи нее на территории Российской Федерации хозяйственной, промысловой и иной деятельности; Правила разрешения с иностранными государствами инцидентов, связанных с нарушением указанных правил	Правила в пограничной зоне: — въезда (прохода), временного пребывания, передвижения лиц и транспортных средств; — хозяйственной, промысловой и иной деятельности, проведения массовых общественно-политических, культурных и других мероприятий в пределах пятикилометровой полосы местности вдоль Государственной границы на суше, морского побережья Российской Федерации, российских берегов пограничных рек, озер и иных водных объектов и на островах на указанных водных объектах, а также до рубежа инженерно-технических сооружений в случаях, если он расположен за пределами пятикилометровой полосы местности. Правила в российской части вод пограничных рек, озер и иных водных объектов, во внутренних морских водах и в территориальном море Российской Федерации: — учета и содержания российских маломерных самоходных и несамоходных (надводных и подводных) судов (средств) и средств передвижения по льду, их плавания и передвижения по льду; — промысловой, исследовательской, изыскательской и иной деятельности
Время (срок) действия режимных правил	Законодательством не предусматривается	Устанавливается и отменяется решениями федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в области безопасности



<p>Возможность ослабления / усиления режима</p>	<p>С учетом взаимных интересов Российской Федерации и сопредельных государств отдельные правила режима Государственной границы могут не устанавливаться, а характер устанавливаемых правил может быть упрощенным</p>	<p>Правила пограничного режима не применяются к судну под флагом иностранного государства, перевозящему пассажиров-туристов в целях посещения согласно расписанию одного или нескольких портов и (или) пунктов, не осуществляющему посадку или высадку других пассажиров, выгрузку (погрузку) грузов, за исключением припасов, и имеющему разрешение на осуществление деятельности в сфере туризма, к пассажирам и членам экипажа данного судна в случае захода в порты и (или) пункты, расположенные в районах внутренних морских вод и территориального моря Российской Федерации, прилегающих к территориям субъектов Российской Федерации, входящим в Арктическую зону Российской Федерации и (или) Дальневосточный федеральный округ, по перечню, утвержденному Правительством Российской Федерации в соответствии с законодательством о внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации</p> <p>Исходя из характера отношений Российской Федерации с сопредельным государством на отдельных участках государственной границы, пограничная зона может не устанавливаться</p>
---	--	---

жимов (хотя в нем присутствует достаточное количество административно-правовых норм);

— охраняемые правовыми режимами объекты обусловили различный порядок установления правил, пространственные пределы действия, а также полномочные органы, их устанавливающие;

— установленные правила дифференцированы: в режиме государственной границы по видам деятельности на границе, в пограничном режиме в первую очередь по физико-географическим условиям (в пограничной зоне — фактически на суше и в российской части вод пограничных рек, озер и иных водных объектов, во внутренних морских водах и в территориальном море Российской Федерации — водных акваториях) и во вторую — по видам деятельности, осуществляемым в них;

— несмотря на то, что в соответствии с законом режимные правила не имеют временных ограничений действия, правила пограничного режима решениями федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в области безопасности, могут отменяться, т.е. ограничивается срок действия;

— режимные правила в зависимости от условий обстановки могут быть либо усилены, либо ослаблены.

Таким образом, рассмотренные правовые режимы, имея свое назначение и специфику, находятся в иерархической взаимосвязи, где режим государственной границы — основной и имеет характер правоустанавливающий и регулирующий, а пограничный режим — вспомогательный, формирующий благоприятные условия обеспечения первого.

Исследуя действие указанных режимов в морских пространствах, необходимо отметить их особенности, состоящие в том, что:

— правила режима государственной границы на море фактически сведены к правилам пересечения государственной границы, которые, во-первых, имеют более гибкое правовое регулирование вследствие активной хозяйственной деятельности на море, отвечающей полити-

ческим и экономическим интересам страны, во-вторых, регулируются большим количеством правовых актов, к которым относятся: международные договоры Российской Федерации, законодательные акты Российской Федерации, подзаконные акты и ведомственные правовые акты, в-третьих, находятся под сильным влиянием международного морского права, а также:

— не носят разрешительного, а в отдельных случаях даже уведомительного характера (пересечение государственной границы вследствие осуществления мирного прохода);

— не обязательно включают прохождение пограничного и иных видов контроля (возможно нахождение иностранного судна на территории Российской Федерации — в территориальном море, не проходя установленного законодательством процедуры в пунктах пропуска через государственную границу);

— признание законности пересечения государственной границы (пропуск через государственную границу) осуществляется в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации, открытых в установленном порядке в морских портах, спустя продолжительное время и на значительном расстоянии от места фактического пересечения государственной границы;

— допускают неоднократное пересечение государственной границы без прохождения пограничного и иных видов контроля;

— правила пограничного режима во внутренних морских водах и в территориальном море Российской Федерации предусматривают уведомительный порядок реализации административных процедур, обеспечиваемых административной ответственностью.

Вышеуказанные особенности позволили сформулировать следующие понятия:

— режим государственной границы на море — это совокупность установленных международными договорами и законодательными актами Российской Федерации правил, регламентирующих порядок пересечения государственной границы судами и военными корабля-

ми, посредством которых обеспечивается ее функционирование и безопасность государства от внешних угроз правовыми средствами;

— пограничный режим во внутренних морских водах и в территориальном море Российской Федерации — это совокупность устанавливаемых законодательством Российской Федерации правил, регулирующих отдельные правоотношения, возникающие у российских морепользователей во внутренних морских водах, в территориальном море Российской Федерации, Каспийском и Азовском морях, в интересах создания необходимых

условий охраны государственной границы правовыми средствами.

Таким образом, при поддержании в соответствии с международными договорами Российской Федерации правовых режимов на государственной границе Российской Федерации и приграничной территории в морских пространствах необходимо учитывать: особый путь исторического формирования, нетождественность правовых режимов, выделенную через классификационные признаки, а также особенности их правил, обусловленные пространственной спецификой действия.

Литература

1. Проничев В.Е. Теоретические, организационные и правовые основы стратегического развития пограничной службы Федеральной службы безопасности : монография / В.Е. Проничев. М. : ВНИИ МВД России, 2007. 370 с.
2. Рушайло В.Б. Специальные административно-правовые режимы в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук / В.Б. Рушайло. М., 2004. 347 с.
3. Симаков А.А. Организационно-правовая деятельность пограничных подразделений Федеральной службы безопасности Российской Федерации по привлечению к административной ответственности : дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Симаков. Курск, 2016. 219 с.
4. Туганов Ю.Н. О некоторых особенностях защиты и охраны государственной границы Российской Федерации / Ю.Н. Туганов, В. Коляда // Самоуправление. 2013. № 3. С. 15–17.
5. Фатеев К.В. Военная безопасность Российской Федерации и правовые режимы ее обеспечения (теоретико-правовое исследование) / К.В. Фатеев. М. : Военный университет, 2004. 234 с.



ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕЗАКОННОГО ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА МОРСКОМ УЧАСТКЕ

*Холопова Елена Николаевна,
профессор кафедры уголовного процесса,
криминалистики и правовой информатики
Юридического института Балтийского федерального
университета имени И. Канта,
доктор юридических наук, профессор
elchol@mail.ru*

*Ефремов Дмитрий Владимирович,
специалист ООО «Центр экспертизы и правовой защиты»
efimoff.danil2018@yandex.ru*

В статье обосновано понятие оперативно-розыскной характеристики незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации на морском участке и выделены следующие ее элементы: основные материальные и идеальные объекты морского приграничного пространства; типичные данные о личности нарушителя и лицах, осведомленных о противоправной деятельности; предметы и документы, связанные с пересечением государственной границы; информация о лицах, въезд которым в Российскую Федерацию заведомо запрещен; информация о типичных местах укрытия нарушителей Государственной границы и лицах, способствующих незаконному нахождению на приграничной территории; сведения, необходимые при проведении ОРМ «получение компьютерной информации», содержащиеся в оперативно-справочных учетах правоохранительных органов, размещаемые в сети Интернет.

Ключевые слова: комплексная характеристика, оперативно-розыскная характеристика, поисковые и ориентирующие свойства, Государственная граница на морском участке, оперативно-розыскные мероприятия.

Operational Search Characteristics of Trespassing the State Maritime Border of the Russian Federation

*Kholopova Elena N.
Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics,
and Legal Informatics of the Law Institute of the Immanuel Kant Baltic Federal University
Doctor of Law
Professor*

*Efremov Dmitry V.
Specialist of Center of Expertise and Legal Protection, LLC*

The article substantiates the notion of operational-investigative characteristics of the illegal crossing of the state border of the Russian Federation on the Maritime section and the following are its elements: basic material and ideal objects of the sea border area; typical data on the identity of the infringer and the persons who were aware of illegal activity; objects and documents associated with the crossing; information on individuals in the entry, which the Russian Federation is obviously prohibited; information on typical places of shelter for border violators and persons contributing to illegal presence in the border area; information necessary for the conduct of the operational and investigative measures „obtaining computer information“; information contained in the operational and reference records of law enforcement agencies; typical public information posted on the Internet.

Keywords: complex characteristics, operational and search characteristics, search and orientation properties, the state border on the sea, operational and investigative measures.

Морская граница ввиду территориальных особенностей и сложности оборудования в инженерном отношении является одним из самых незащищенных участков границ государства. События 2015–2017 гг., связанные с увеличением потока беженцев через морскую границу в Южную часть Европы, подтверждают утверждение о незащищенности морского участка границы, только за 2016 г. 181 000 нелегальных эмигрантов отправились через морскую границу по Центрально-Средиземноморскому маршруту в Европу¹.

При таких обстоятельствах фиксация факта преступления не в полной мере обеспечивает безопасность государства, поэтому важнейшей задачей становятся профилактика, выявление и предупреждение незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации на морском участке.

Информационную модель, содержащую в себе элементы криминалистической, криминологической, уголовно-правовой характеристик, связанных с незаконным пересечением Государственной границы Российской Федерации на морском участке, причины и условия, способствующие незаконному пересечению на конкретном участке мирового океана, а также иные данные, необходимые для формирования значимых поисковых признаков, зачастую негласными методами, в теории оперативно-розыскной деятельности (далее — теория ОРД) принято концентрировать в оперативно-розыскной характеристике.

Оперативно-розыскная характеристика в отличие от схожих характеристик уголовно-правового цикла базируется на «направленности каждой из них»², при этом смежные с теорией ОРД науки изучают одинаковые явления с позиции своих собственных интересов, различия в подходах к изучению характеристик заключаются в целях, которые науки перед собой ставят³.

Схожие по содержанию комплексные исследования преступлений, связанных с пересечением Государственной границы, рассматривают оперативно-розыскную характеристику не только в качестве инструмента решения оперативно-тактических задач, но и как элемент, обеспечивающий организационно-управленческую функцию⁴.

Оперативному сотруднику правоохранительных органов знания оперативно-розыскной характеристики незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации на морском участке важны для более глубокого представления о поисковом механизме данного вида пре-

ступления, определения наиболее эффективной организационно-управленческой системы противодействия рассматриваемому преступлению, в том числе за счет тактически правильной организации документирования информации о готовящемся, совершенном преступлении⁵.

Результаты исследования свидетельствуют, что под оперативно-розыскной характеристикой незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации на морском участке следует понимать типичные ориентирующие сведения о хозяйственной специфике морского приграничного пространства, детерминирующие изменения в объективной действительности, влияющие на совокупность данных, необходимых для проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) и эффективно-го разрешения, складывающихся оперативно-розыскных и управленческих ситуаций.

Содержание оперативно-розыскной характеристики незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации на морском участке способствует решению задач, стоящих перед оперативными подразделениями. Включение в оперативно-розыскную характеристику преступлений специфики хозяйственной деятельности окружающих объектов определяется влиянием ее на способ совершения незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации на морском участке. При выборе способа совершения преступления преступник зависит от ряда субъективных и объективных обстоятельств⁶.

Поэтому представляется целесообразным не пренебрегать описанием хозяйственной специфики пограничного пространства⁷, рассмотрением характеристики сферы и объекта хозяйственной деятельности, знания которых необходимы оперативному сотруднику при выявлении преступлений на морском участке. Средства, которые используются для незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации, можно разделить на предназначенные для рыболовства и перевозки пассажиров. На судах, предназначенных для перевозки пассажиров, в 76% случаев незаконное пересечение осуществлялось с целью миграции из стран с неблагоприятной социально-экономической обстановкой, предоставлением недействительных документов; 80% пособников в нарушения границы имели материальные претензии к судовладельцу и характеризовались проявлением девиантного поведения.

Ключевым ориентиром, характеризующим морское судно с целью поиска предполагаемых нарушителей, является наличие на нем так называемого «удобного» флага. Помимо существующих статистических данных, содержащихся в заявлениях официальных должностных лиц о неоднократных нарушениях морских границ подобными

¹ The Statistics Portal. URL: <https://www.statista.com/statistics/454910/illegal-border-crossing-between-bcps-to-the-eu/> (дата обращения: 14.05.2018).

² Ларичев В.Д. Оперативно-розыскная характеристика экономических преступлений: понятие и содержание // Оперативник (сыщик). 2009. № 1 (18). С. 14.

³ Кондратьев М.В. Оперативно-розыскная характеристика преступлений: к описанию понятия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики 2012. № 5 (19). С. 89.

⁴ Холопова Е.Н., Киселев А.А. Комплексная характеристика преступлений, связанных с незаконным пересечением государственной границы Российской Федерации, совершаемых на территории Республики Крым // Библиотека криминалиста. 2016. № 6 (29). С. 270.

⁵ Курда В.В. Комплексная военно-правовая характеристика участия граждан Российской Федерации в незаконных вооруженных формированиях на территории иностранных государств // Военно-юридический журнал. 2017. № 7. С. 16.

⁶ Ларичев В.Д. Содержание оперативно-розыскной характеристики преступлений в сфере экономики // Общество и право. 2013. № 2 (44). С. 182.

⁷ Анищенко Е.В. Характерные признаки безопасности государства в его пограничном пространстве // Военно-юридический журнал. 2018. № 4. С. 12–13.



судами⁸, такие суда имели легальную возможность не устанавливая технические средства контроля, обязательные для хождения под флагом Российской Федерации, что позволяло им избегать глобального контроля и скрытно пересекать морские границы с различными целями.

Так, 31 января 2018 г. за незаконную деятельность в морском приграничном пространстве Российской Федерации была задержана рыболовецкая шхуна «Си Бриз» под флагом Сьерра Леоне, а 4 декабря 2014 г. это же судно задержано с другим составом граждан Российской Федерации и под флагом государства Камбоджи. При этом имело следующие поисковые признаки: отсутствие судового журнала, промыслового журнала; технических средств контроля; документального, подтверждения прохода судном морских контрольных пунктов.

Важнейшим сигнальным критерием, требующим характеристики для решения задач ОРД, являются морской порт, причал или индивидуальный пункт базирования, на котором средство готовится к выходу в море. Основой характеристики для данной группы объектов оперативно-обеспечения являются: наличие, состояние и возможности властей по обеспечению функционирующих в них правовых режимов.

При выявлении, предупреждении и пресечении незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации на морском участке в 87% случаев проводятся разовые⁹ ОРМ, используемые комплексно, в определенной последовательности. При таком подходе проведение последующего ОРМ основано на качественном проведении предыдущего ОРМ.

На основе сопоставления содержания наиболее распространенных ОРМ и данных, необходимых для их проведения, было установлено, что основными элементами оперативно-розыскной характеристики незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации на морском участке являются: объекты морского приграничного пространства, на которых концентрируются следы, ориентирующие субъект ОРД на способ подготовки, совершения и сокрытия преступления; типичные данные о личности нарушителя и лицах, осведомленных о противоправной деятельности; предметы и документы, связанные с пересечением границы; информация о лицах, въезд которым в Российскую Федерацию заведомо запрещен; информация о типичных местах укрытия нарушителей границы и лицах, способствующих незаконному нахождению на приграничной территории; сведения, необходимые при проведении ОРМ «получение компьютерной информации», содержащиеся в оперативно-справочных учетах правоохранительных органов, размещаемые в сети Интернет.

Основные объекты морского приграничного пространства, на которых концентрируются следы, ориентирующие субъект ОРД на способ подготовки, совершения и сокрытия преступления, определяются функциональной спецификой морских хозяйственных объектов, в том числе и

характером противоправной деятельности, связанной с незаконным пересечением Государственной границы Российской Федерации на морском участке и конечным предметом преступного посягательства. Например, наличие пункта пропуска через морскую границу определяет значительное увеличение контрабанды различных предметов, предусмотренных ст. 200.1–200.3 УК РФ, а отсутствие или частые сбои в работе технических средств контроля на рыбопромысловом судне(ах) дают основание подозревать нарушение этим судном(и) Государственной границы Российской Федерации на морском участке. Знание специфики объектов морского приграничного пространства во многом тождественно с владением оперативной обстановкой и является базовой для всех остальных элементов оперативно-розыскной характеристики незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации на морском участке, поэтому всегда используется для проведения всех видов ОРМ.

Типичные данные о личности нарушителя и лицах, осведомленных о противоправной деятельности в морском приграничном пространстве, необходимы для проведения наиболее распространенных и первичных ОРМ «наблюдение», «опрос».

Использование ОРМ «исследование предметов и документов» определяет необходимость выделения типичного перечня документов, содержащих: данные, свидетельствующие о событии и составе незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации на морском участке (документ, удостоверяющий личность и судовой журнал); информацию, необходимую для исследования в связи с подозрением в противоправной деятельности в море (промысловый журнал; судовые суточные донесения; коносаменты о перевозке различных грузов; журнал операций со сточными водами; санитарный журнал; схемы расположения грузовых трюмов; судовая роль и список пассажиров); сведения, которые могут иметь потенциальное доказательное значение при комплексном анализе судовой документации (машинный журнал; свидетельство о праве плавания под Государственным флагом, свидетельство о праве собственности на судно для судов с «дешевыми» флагами).

Информация о лицах, въезд которым в Российскую Федерацию заведомо запрещен, определяется возможностью проведения ОРМ «отождествление личности» в связи с изменениями в ч. 2 ст. 322 УК РФ. Знание типичных мест укрытия нарушителей границы и лиц, способствующих незаконному нахождению на приграничной территории этих лиц, требуется для проведения ОРМ «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств». Для проведения ОРМ необходима информация о местах компактного проживания подобных граждан: об общежитиях, о «резиновых квартирах», местах с дешевой рыночной стоимостью аренды жилья на приграничной территории, а также о лицах, оказывающих населению морского приграничья агентурные услуги¹⁰.

⁸ URL: <https://ps.fsb.ru/smi/appearance/detail.htm%21id%3D10321209%40fsbAppearance.html> (дата обращения: 14.05.2018).

⁹ Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. М. : ИНФРА-М., 2008. С. 285.

¹⁰ Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ «Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2207.

Сведения, необходимые при проведении ОРМ «получение компьютерной информации», могут быть получены путем осмотра¹¹ и анализа глобальной навигационной и технической системы, установленной на судне под российским флагом. С правовой точки зрения сведения, содержащиеся на электронных носителях, имеют определенное юридическое значение¹². Глобальная навигационная система и другие, официально установленные на судне средства, фиксирующие характер перемещения судна, а также содержащие некоторую иную служебную информацию, имеют существенное значения для оперативных подразделений. Так, проведя анализ следственной и оперативно-розыскной практики, Н.Ю. Дусева отмечает, что по средствам глобальной навигационной системы возможно установление: фигурантов и возможных свидетелей преступления, розыск лиц, установление места совершения преступления, установление средств совершения преступления, алиби лица, а также розыск похищенного¹³.

Сведения, содержащиеся в оперативно-справочных учетах правоохранительных органов, аккумулирующие в себе статистические данные об административно-правовых нарушениях, схожих по составу с незаконным пересечением Государственной границы Российской Федерации,

и лицах, ранее привлекаемых к уголовной ответственности за совершение противоправных действий при пересечении морской границы, необходимы для ОРМ «сбор образцов для сравнительного исследования». Результаты исследования свидетельствуют, что квалифицирующий признак при определении степени общественной опасности зачастую носит субъективный характер и определяется сложившейся в регионе Российской Федерации административно-процессуальной и следственной практикой.

Типичные открытые сведения, размещаемые в сети Интернет, могут содержать установочные данные проверяемого лица и круга его ближайших интернет-знакомств, свидетельствовать о характере интересов проверяемого лица и некоторых аспектах его противоправной деятельности, связанной с незаконным пересечением Государственной границы Российской Федерации на морском участке. Оперативно-значимые данные, к которым следует отнести некоторые установочные и идентифицирующие данные, позволяют качественно проводить ОРМ «отождествление личности», ОРМ «наведение справок».

Каждый из обоснованных элементов оперативно-розыскной характеристики обогащает сигнальными признаками криминологическую и собственно криминалистическую характеристику, базирующуюся на уголовно-правовой характеристике. Предложенный комплексный подход к незаконному пересечению Государственной границы Российской Федерации на морском участке в совокупности позволяет концентрировать криминалистически значимую информацию, не теряя функциональную предназначенность каждой из перечисленных характеристик, необходимых для «нейтрализации рисков и угроз, касающихся пограничной безопасности»¹⁴.

¹⁴ URL: <https://rg.ru/2018/04/06/putin-zaiavil-o-planah-sozdat-novuiu-sistemu-bezopasnosti.html> (дата обращения: 14.05.2018).

¹¹ Островский О.А. Алгоритм проведения осмотров цифровых носителей информации для предотвращения компьютерных преступлений // Военно-юридический журнал. 2017. № 11. С. 5.

¹² Досова А.В. Теоретические и практические особенности комплексного криминалистического исследования документов с измененными реквизитами : дис ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2014. С. 19.

¹³ Дусева Н.Ю. Техничко-криминалистические основы использования глобальной навигационной системы в расследовании и предупреждении преступлений : автореф. дис ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2015. С. 9.

Литература

1. Анищенко Е.В. Характерные признаки безопасности государства в его пограничном пространстве / Е.В. Анищенко // Военно-юридический журнал. 2018. № 4. С. 11–14.
2. Досова А.В. Теоретические и практические особенности комплексного криминалистического исследования документов с измененными реквизитами : дис ... канд. юрид. наук / А.В. Досова. Волгоград, 2014. 233 с.
3. Дусева Н.Ю. Техничко-криминалистические основы использования глобальной навигационной системы в расследовании и предупреждении преступлений : автореф. дис ... канд. юрид. наук / Н.Ю. Дусева. Волгоград, 2015. 32 с.
4. Кандратьев М.В. Оперативно-розыскная характеристика преступлений: к описанию понятия / М.В. Кандратьев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 5 (19). С. 88–90.
5. Курда В.В. Комплексная военно-правовая характеристика участия граждан Российской Федерации в незаконных вооруженных формированиях на территории иностранных государств / В.В. Курда // Военно-юридический журнал. 2017. № 7. С. 15–19.
6. Ларичев В.Д. Оперативно-розыскная характеристика экономических преступлений: понятие и содержание / В.Д. Ларичев // Оперативник (сыщик). 2009. № 1 (18). С. 11–16.
7. Ларичев В.Д. Содержание оперативно-розыскной характеристики в сфере экономики / В.Д. Ларичев // Общество и право. 2013. № 2 (44). С. 176–187.
8. Островский О.А. Алгоритм проведения осмотров цифровых носителей информации для предотвращения компьютерных преступлений / О.А. Островский // Военно-юридический журнал. 2017. № 11. С. 3–6.
9. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К.К. Горяинов, В.С. Овчинского, Г.К. Сенилова. М. : ИНФРА-М, 2008. 832 с.
10. Холопова Е.Н. Комплексная характеристика преступлений, связанных с незаконным пересечением государственной границы Российской Федерации, совершаемых на территории Республики Крым / Е.Н. Холопова, А.А. Кисилев // Библиотека криминалиста. 2016. № 6 (29). С. 267–280.



К ВОПРОСУ О ВАЖНОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ НАСИЛЬСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА, НЕ СВЯЗАННОЕ С ПРИЧИНЕНИЕМ СМЕРТИ ПОТЕРПЕВШЕМО, КАК ОДНОГО ИЗ ОСНОВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

*Степанов Сергей Андреевич,
старший преподаватель кафедры
уголовного процесса и криминалистики
Новосибирского военного института войск национальной гвардии,
подполковник юстиции
ivan-vivv@yandex.ru*

В статье рассматривается личность военнослужащего, совершившего насильственное преступление, не связанное с причинением смерти потерпевшему. Так как личность преступника является одним из основных элементов криминалистической характеристики преступления, ему присуща совокупность физических, биологических и социальных свойств, информация о которых отображается в процессе его деятельности, направленной на совершение преступления в виде материальных и идеальных следов.

Ключевые слова: личность преступника, военнослужащий, криминалистическая характеристика, подозреваемый, обвиняемый, механизм совершения преступления, следственные действия.

On the Importance of Criminalistic Characteristics of the Identity of a Military Service Man Having Committed a Violent Crime not Involving Death of the Victim as One of the Key Elements of Criminalistic Characteristics of a Crime

*Stepanov Sergey A.
Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics
of the Novosibirsk Military Institute of National Guard Troops
Lieutenant Colonel of Justice*

The article discusses the identity of the soldier who has committed a violent crime not associated with causing death to the victim. Since the identity of the offender is one of the main elements of criminalistic characteristics of the crimes he has socknet physical, biological and social properties, details of which appear in the course of its activities directed towards the commission of the crime the material and ideal traces.

Keywords: the identity of the offender, soldier, forensic characteristics, the suspect, the accused, the mechanism of the crime, investigative actions.

Изучение личности преступника, осуществляемое учеными-правоведами в области права, производится в таких основных направлениях, как уголовно-правовое, криминологическое, уголовно-процессуальное, пенитенциарное, судебно-психологическое и криминалистическое.

Криминалистическое изучение личности преступника, обвиняемого в совершении преступления, определяется уголовно-правовым и уголовно-процессуальным значением. Сведения, полученные должностными лицами, уполномоченными на проведение предварительного

расследования о личности подозреваемого (обвиняемого), необходимы не только им, но и суду для разрешения различных вопросов. Например, для квалификации преступного деяния (рецидив, особо опасный рецидив), наличие в деянии состава преступления (несовершеннолетние, душевнобольные и т.д.), расчет и определение вида наказания или меры пресечения, смягчающих и отягчающих обстоятельств, места отбытия наказания, назначенного судом.

В криминалистическом аспекте особый интерес представляет личность обвиняемого как элемент криминали-

стической характеристики вида преступления¹. Любой личности, в том числе и личности обвиняемого (подозреваемого) военнослужащего, присущи различные свойства и качества, отличающие одного человека от другого. Анализ и правовая оценка свойств и признаков личности, их фиксация в целях дальнейшего использования и составляют главное содержание изучения личности.

Доктор юридических наук В.Я. Рыбальская под личностью преступника понимает «совокупность негативных социальных и социально значимых свойств и качеств человека, которые во взаимодействии с внешними обстоятельствами (ситуацией) привели его к совершению преступления»².

А.А. Ситковский считает, что «личность преступника и ее психофизические свойства, мотивы преступного поведения являются предметом широкого круга исследований»³.

Мы хотели бы более подробно остановиться на характеристике личности военнослужащего, обвиняемого в совершении преступления насильственного характера, не связанного с причинением смерти потерпевшему.

Личность подозреваемого (обвиняемого) военнослужащего, как и других участников уголовного судопроизводства в различных стадиях производства по уголовному делу, — это единое целостное явление, все стороны которого взаимосвязаны и взаимообусловлены. Ему присуща совокупность физических, биологических и социальных свойств, информация о которых отображается в процессе его деятельности, направленной на совершение преступления в виде материальных и идеальных следов.

Выявление субъективной информации криминалистически значимых форм выражения личности в первичной информации о событии преступления и в ходе расследования позволяет составить представление об общих, а затем и о частных личностных особенностях преступника. Проследивание связи этой информации с выявленными данными о способе, механизме и обстановке совершения преступления создает новую самостоятельную информацию, позволяющую правильно определить направление и способы розыска, задержания и последующего изобличения военнослужащего, совершившего преступление, т.е. избрать с учетом полученных сведений оптимальные методы расследования.

На наш взгляд, достаточно тяжело на сегодняшний день представить криминалистическую оценку преступления без учета данных о личности преступника. Последствия практически любой преступной деятельности содержат следы личности человека, ее осуществившего, в частности сведения о некоторых его личных социально-психологических свойствах и качествах, преступном опыте, наличии специальных познаний и навыков,

поле, возрасте, особенностях взаимоотношений с потерпевшим и т.д.

Соглашаясь с мнением доктора юридических наук, профессора Н.П. Яблокова, мы также приходим к выводу, что в ходе изучения личности военнослужащего, совершившего насильственное преступление, с точки зрения криминалистики можно выделить несколько специфических направлений⁴.

Первое: предусматривает получение данных о личности неизвестного нам военнослужащего, совершившего преступление, с учетом вида, места и времени совершения преступного деяния, предмета его посягательства по оставленным им следам на месте происшествия как в памяти очевидцев, так и по другим источникам. Это, в свою очередь, позволяет определить направления и приемы его розыска, задержания и привлечения его в дальнейшем к уголовной ответственности.

Второе: изучение личности задержанного, подозреваемого или обвиняемого военнослужащего в совершении насильственных действий преступного характера с целью его криминалистической оценки личности как субъекта преступления. «В этих целях целесообразно собрать сведения не только о жизненной установке, ценностных ориентациях не только личностных, но и социально-значимых, дефектах правосознания, особенностях антисоциальных взглядов, отношении к порядку прохождения службы и выполнение должностных или специальных обязанностей, взаимоотношения с сослуживцами, его социальное положение среди военнослужащих одного с ним подразделения, характеристики с места работы или учебы до прохождения им службы, данные о составе семьи, связях, особенностях поведения до, во время и после совершения преступления, что в дальнейшем позволит наладить с ним необходимый следственный контакт и в некоторых случаях избежать возникновения конфликтной ситуации в ходе расследования по делу, что является наиболее часто встречающимся фактором при проведении следственных действий с военнослужащими, совершившими преступление. Выбрать наиболее эффективную тактику общения с таким военнослужащим с целью получения от него правдивых признательных показаний, а также определить наиболее действенные способы профилактического воздействия на него»⁵.

В данной работе мы попытаемся выделить одну категорию военнослужащих, совершивших насильственные преступления, и дать их личности характеристику с точки зрения криминалистики как одному из элементов криминалистической характеристики преступления.

Итак, всех военнослужащих, проходящих военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации и других приравненных к ним вооруженных формирований и органов, в которых законом предусмотрена воен-

¹ Лебедев Н.Ю. Формы разрешения (завершения) уголовно-процессуальных конфликтов при расследовании преступлений // Закон и право. 2009. № 5. С. 44–50.

² Репецкая А.А., Рыбальская В.Я. Криминология. Общая часть: учебное пособие. Изд-во ИЭГА, 1999. С. 23.

³ Ситковский А.А. Жертва преступления: закономерность или провакация? Преступность и общество: сб. науч. трудов. М.: ВНИИ МВД России, 2002. С. 29.

⁴ Яблоков Н.П. Криминалистика: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005. С. 70.

⁵ Лебедев Н.Ю. Теоретические основы конфликтов, возникающих в процессе досудебного производства по уголовному делу, и пути их разрешения: монография / под ред. В.К. Гавло. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2012. 323 с.



Рисунок

ная служба, можно структурно разделить следующим образом (см. рис.).

Таким образом, мы разделили всех военнослужащих на три категории по порядку прохождения воинской службы.

Военнослужащие, проходящие военную службу по контракту в воинских званиях от лейтенанта до капитана включительно, на командных должностях, таких как командир взвода, заместитель командира роты (в зависимости от подразделения), командир роты. На так называемых интендантских должностях начальники отдельных служб (вещевой, продовольственной, связи, РХБ защиты, инженерной, ГСМ, начальники столовых, объектов, мастерских и т.д.) в процессе выполнения обязанностей военной службы напрямую взаимодействуют с подчиненным им личным составом и, как показал анализ уголовных дел, совершают насильственные преступления, как правило, из ложно понятных интересов военной службы с целью наказать подчиненного им военнотру-

жащего за совершенный им проступок, реже — с целью показать свое мнимое превосходство или из личной неприязни по отношению к потерпевшему⁶.

Рассмотрим с точки зрения криминалистической характеристики личности преступника категорию военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, совершивших насильственные преступления, такую как младшие офицеры, в виде следующей структуры: общие качества личности преступника: пол — мужской; возраст — средний возраст данной категории лиц от 22 до 30 лет; воинское звание — имеет воинское звание офицера; воинская должность — занимаемая им должность предусматривает наличие

⁶ Степанов С.А. О необходимости совершенствования частной криминалистической методики расследования насильственных преступлений, совершенных военнослужащими внутренних войск МВД России // Сборник материалов криминалистических чтений. 2013. № 9. С. 99–101.

соответствующего специального образования и воинского звания от лейтенанта до капитана; срок военной службы (общий и в должности) — общий срок военной службы в большинстве случаев составляет от 6 до 13 лет (с учетом срока обучения в военных вузах 4–5 лет), срок службы в офицерской должности от 6 месяцев до 5 лет; образование — практически у подавляющего большинства военнослужащих, совершивших насильственное преступление, имеется среднее военное образование (командное или интендантское) и высшее образование по гражданской специальности; семейное положение — в большинстве случаев военнослужащие женаты, имеют одного ребенка в возрасте до 3 лет; отношение к религии — православные христиане, реже — мусульмане; преобладающая мотивация преступления — ложно понятные интересы службы, личная неприязнь; навыки и способности — профессиональное обращение с боевым стрелковым вооружением, взрывчатыми веществами и средствами взрыва, часто встречается наличие спортивного звания или разряда; основания прохождения службы — заключенный контракт о прохождении военной службы на определенный срок.

Частные качества личности преступника: интеллект — интеллектуально-развитая личность, интеллект выше среднего, высокий; по характеру поведения до, во время и после совершения преступления — наличие умысла на причинение вреда здоровью и физической боли потерпевшему, сопровождающегося действиями, направленными на подготовку, совершение и сокрытие следов преступления; по кругу общения и его связей — имеет связь с асоциально-криминально направленными лицами (друзья, родственники) для поддержания своего мнимого авторитета в их среде; ролевая функция — в случае совершения преступления группой лиц; поведение в быту — от спокойного и уравновешенного до дерзкого и циничного; отношение к спорту — чаще навыки единоборств; наличие аналогичного или другого преступного опыта — ранее совершенные им преступные действия, в том числе латентные.

Из представленной выше характеристики личности преступника можно составить усредненный портрет военнослужащего, совершившего преступления в данном случае только с точки зрения криминалистики.

Итак, военнослужащий указанной выше категории, совершивший насильственное преступление, не связанное с причинением смерти потерпевшему, — это мужчина, проходящий военную службу по контракту, средний возраст которого 25–27 лет, имеет воинское звание младшего офицера, в должности командира взвода, роты, средний срок общей продолжительности службы составляет 7–10 лет, в звании офицера 2,5–5 лет, имеет образование среднее военное, высшее по гражданской специальности, женат, имеет одного ребенка в возрасте до 3 лет, христианин, мотив преступления — ложно понятные интересы службы, личная неприязнь, владеет навыками рукопашного боя, профессионального обращения с боевым стрелковым оружием, взрывчатыми веществами и средствами взрыва, часто встречается наличие спортивного звания или разряда. Интеллект выше среднего — высокий, подготовка к преступлению происходит не всегда, чаще спонтанно или внезапно, с возникшего желания наказать провинившегося или из личной неприязни, в некоторых случаях имеет связь с асоциально-криминально направленными лицами (друзья, родственники), в быту чаще спокоен и уравновешен, при совершении преступления группой лиц его роль зависит от авторитета в данной группе, ранее совершал преступные действия в виде физического насилия (остались латентными).

Подводя итог, мы хотели бы отметить, что полный объективный портрет военнослужащего, совершившего преступление насильственного характера, не связанное с причинением смерти потерпевшему, невозможно получить только путем криминалистического изучения личности преступника, необходимо проведение целого комплекса мероприятий исследовательского характера, направленного на изучение личности преступника, включающих в себя уголовно-правовое, криминологическое, психологическое и т.д.

Литература

1. Лебедев Н.Ю. Теоретические основы конфликтов, возникающих в процессе досудебного производства по уголовному делу, и пути их разрешения : монография / Н.Ю. Лебедев ; под ред. В.К. Гавло. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2012. 323 с.
2. Лебедев Н.Ю. Формы разрешения (завершения) уголовно-процессуальных конфликтов при расследовании преступлений / Н.Ю. Лебедев // Закон и право. 2009. № 5. С. 44–50.
3. Репецкая А.А. Криминология. Общая часть : учебное пособие / А.А. Репецкая, В.Я. Рыбальская. Иркутск : ИЭГА, 1999. 239 с.
4. Ситковский А.А. Жертва преступления: закономерность или провакация? / А.А. Ситковский // Преступность и общество : сб. науч. трудов / А.А. Ситковский. М. : ВНИИ МВД России, 2002. 171 с.
5. Степанов С.А. О необходимости совершенствования частной криминологической методики расследования насильственных преступлений, совершенных военнослужащими внутренних войск МВД России / С.А. Степанов // Сборник материалов криминологических чтений. 2013. № 9. С. 99–101.
6. Хомяков И.Д. К вопросу о дефиниции «осмотр места происшествия» / И.Д. Хомяков // Экономика, социология и право. 2016. № 5. С. 125–126.
7. Хомяков И.Д. Процессуальная деятельность начальника военной организации как органа дознания / И.Д. Хомяков // Уголовно-процессуальные и криминологические чтения на Алтае 2016. С. 119–121.
8. Яблоков Н.П. Криминология : учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2005. 781 с.



К ВОПРОСУ ОБ УСЛОВИЯХ ЗАКОННОСТИ ПРИНИМАЕМЫХ ГОСУДАРСТВОМ КОНТРМЕР

*Кривенкова Мария Витальевна,
заведующая кафедрой гражданского права и гражданского процесса
Набережночелнинского института
Казанского (Приволжского) федерального университета,
кандидат юридических наук, доцент
MVKrivenkova@kpfu.ru*

Согласно действующему международному праву применение государством контрмер является допустимым, если их применение осуществляется в ответ на нарушение иным субъектом международного права своих обязательств. Однако международно-правовые акты обязательного и рекомендательного характера не дают точного ответа на вопрос о том, что следует считать контрмерами и, следовательно, в каком случае они могут считаться законными. В статье рассматривается одно из наиболее дискуссионных условий законности контрмер, принимаемых государством в ответ на нарушение иным субъектом международного права своих обязательств. Аргументируется необходимость руководствоваться при рассмотрении пропорциональности контрмер критериями, позволяющими объективно оценить характер действий потерпевшего государства, чтобы установить легитимность ответных мер. Учитывая, что пропорциональность является оценочной правовой категорией, а соизмерение принимаемых государством контрмер с совершенным правонарушением является довольно сложной задачей, при решении вопроса о правомерности контрмер предлагается основываться на единых, общих для всех критериях. Это особенно важно, поскольку контрмеры принимаются децентрализованно, не международной организацией от имени потерпевшего государства или международного сообщества в целом, а самим потерпевшим. Следовательно, правила совершения таких действий должны быть конкретизированы. Таковыми критериями следует считать объем причиненного правонарушением ущерба, характер международно-противоправного деяния и вид нарушенных прав.

Ключевые слова: контрмеры, санкции, международно-правовая ответственность, международно-противоправное деяние, государство, взаимность, пропорциональность.

On Conditions for the Legitimacy of Counter Measures Adopted by a State

*Krivenkova Maria V.
Head of the Department of Civil Law and Civil Procedure
of the Naberezhnye Chelny Institute of the Kazan (Volga Region) Federal University
Candidate of Legal Sciences
Assistant Professor*

In accordance with international law countermeasures may be used by states in response to a violation of another international legal entity law of its obligations. However, both binding and non-binding international legal acts do not give an answer to the question of what should be considered as countermeasures, and, therefore, in which case they can be considered legitimate. The article considers one of the most controversial condition of the legality of countermeasures taken by the state in response to a violation by another legal entity of its obligations. It is argued that it is necessary to be guided when considering the proportionality of countermeasures by criteria that allow an objective assessment of the nature of the actions of the injured state in order to establish the legitimacy of countermeasures. Proportionality is an evaluative legal category, and measuring the countermeasures taken by the state with a committed offense is quite a difficult task. Therefore it is proposed to base them on unified criteria common to all when deciding on the validity of countermeasures. Such an approach is especially important, since countermeasures are decentralized. They are taken not by an international organization on behalf of the injured State or the international community as a whole, but by the victim. Therefore, the rules of such acts must be specified. Such criteria should be: the scope of the damage caused by the offense, the nature of the internationally wrongful act and the type of rights violated.

Keywords: countermeasures, sanctions, international responsibility, internationally-wrongful act, state, reciprocity, proportionality.



Современное международное право допускает возможность применения государством контрмер в ответ на нарушение иным субъектом международного права своих обязательств. Стоит отметить, что в настоящее время любые действия субъектов международного права, связанные с введением каких-либо ограничений в отношении государств и их граждан, принято именовать санкциями, что является совершенно необоснованным. Данный термин приобрел большее распространение, нежели иные смежные правовые категории, несмотря на то, что санкции имеют совершенно четко закрепленные международными правовыми актами основания и условия их введения. Тем не менее контрмеры государств, которые, так же как санкции, могут быть вполне законными при наличии определенных предшествующих их введению обстоятельств, в большинстве случаев используются либо ненадлежащими субъектами международного права, либо вовсе выходят за рамки ответных ограничительных мер. В связи с этим формирование четкого представления о характере и сущности контрмер имеет огромное теоретическое и практическое значение, поскольку их единообразное понимание способствует укреплению международного правопорядка.

Исследование столь сложного института международного права, как контрмеры, невозможно без уделения должного внимания не только действующим нормам международного обязательного характера, но и документам рекомендательного характера, которые зачастую рассматриваются теоретиками в качестве обычных норм международного права.

К таковым, полагаем, в первую очередь следует отнести документы, разработанные Комиссией международного права ООН и рекомендованные Генеральной Ассамблеей ООН, а также открытые к подписанию Статьи об ответственности государств за международно-противоправные деяния (далее — Статьи об ответственности государств) и в Статье об ответственности международных организаций.

Их значение сложно переоценить, особенно с точки зрения методологии научного познания, поскольку точного определения контрмер не содержится ни в одном международно-правовом акте. Не содержится данное определение в том числе ни в Статьях об ответственности государств, ни в Статьях об ответственности международных организаций, разработанных Комиссией международного права ООН. В результате этого в научной литературе можно найти различные определения контрмеры, в частности, как реакции на неправомерное действие международной организации или государства или способа реагирования потерпевшего на неправомерное действие правонарушителя¹.

Исходя из положений ст. 22 Статей об ответственности государств, а также гл. 2 ч. 3 данного документа, наиболее верным представляется определение контрмеры в качестве деяния, которое рассматривалось бы как противоправное в соответствии с международным правом,

если бы не предпринималось в ответ на нарушение иным субъектом международного права своих обязательств.

В ходе работы над проектом Статей об ответственности государств Комиссия международного права ООН долгое время использовала термин «санкции» для обозначения всех ответных мер потерпевших субъектов международного права. Однако на завершающем этапе работы над проектом Статей об ответственности государств было принято решение заменить данный термин более подходящим по своей природе термином «контрмеры», что вполне обоснованно, поскольку между санкциями и контрмерами имеется существенное отличие. Контрмеры принимаются непосредственно пострадавшим государством в ответ на противоправное деяние другого государства, в то время как международные санкции являются мерой коллективного воздействия, принимаемой международной организацией, с целью принудить правонарушителя к исполнению своих обязательств из правоотношения ответственности. Контрмеры в литературе также называют «односторонними»² и «горизонтальными» ответными действиями, поскольку данное отношение складывается непосредственно между потерпевшим государством и правонарушителем³. Как подчеркивает М.В. Кешнер, контрмеры представляют собой элемент децентрализованного механизма принуждения государства-правонарушителя и рассматриваются как инструмент имплементации ответственности, не носящий карательного характера⁴. Тем не менее в литературе существует и теория об «индивидуальных санкциях» или адресных мерах воздействия⁵.

С тем чтобы обеспечить применение контрмер в пределах правового поля, а также с целью ограничения злоупотребления правом государств на контрмеры, в Статьях об ответственности государств были закреплены условия и основания их применения. Наибольший интерес, полагаю, вызывают положения о таком условии законности контрмер, как пропорциональность. Связано это с тем, что, несмотря на бесспорное признание как в научной литературе, так и в практике международных судебных органов пропорциональности одним из основных условий применения контрмер, порядок ее определения остается дискуссионным вопросом.

Положение о пропорциональности контрмер появилось в Статьях об ответственности государств (ст. 51), в том числе благодаря практике международных судебных органов. В частности, в рамках международного арбитража 1978 г. по спору между Францией и США о воздушных перевозках довольно подробно рас-

¹ Moldner Mirka. Responsibility of International Organizations — Introducing the ILC's DARIO // Max Planck Yearbook of United Nations Law. 2012. Vol. 16. P. 302.

² Alland Denis. The Definition of Countermeasures / The Law of International Responsibility. Edited by James Crawford, Alain Pellet, and Simon Olleson. Oxford : Oxford University Press, 2010. P. 1127–1136.

³ Курдюков Г.И. Контрмеры в международном праве и условия их применения // Ученые записки КГУ. 1998. Т. 133. С. 131.

⁴ Кешнер М.В. Легитимность санкций в отношении российской федерации: международно-правовой анализ // Журнал российского права. 2015. № 7 (223). С. 146.

⁵ Roeben V. Responsibility in International Law // Max Planck Yearbook of United Nations Law. 2012. Vol. 16. P. 140.



сма­три­вал­ся во­прос о про­пор­ци­о­наль­но­сти при­ня­тых США за­претительных мер⁶. Однако в своем решении по данному делу арбитраж подчеркнул, что определение пропорциональности контрмер является довольно сложной задачей и поэтому может быть лишь приближительным. Как подчеркивал И.И. Лукашук, в таком выводе арбитража нет ничего удивительного, поскольку многое зависит от обстоятельств конкретного дела, однако такая приближительность может породить злоупотребление контрмерами⁷.

Учитывая, что пропорциональность является оценочной правовой категорией, а соизмерение принимаемых государством контрмер с совершенным правонарушением является довольно сложной задачей, при решении вопроса о правомерности контрмер следует основываться на единых, общих для всех критериях. Это особенно важно, поскольку контрмеры принимаются децентрализованно, не международной организацией от имени потерпевшего государства или международного сообщества в целом, а самим потерпевшим. Следовательно, правила совершения таких действий должны быть конкретизированы.

Ранее в научной литературе подчеркивалась необходимость применения эквивалентных ответных мер, понимая под эквивалентностью именно количественное соизмерение действий правонарушителя и потерпевшего. Э. Каннизаро справедливо подчеркивает, что, устанавливая эквивалентность как связующее звено между совершенным правонарушением и ответной мерой, принцип пропорциональности сокращает излишне широкий выбор способов реагирования на действия правонарушителя, сводя тем самым к минимуму возможность злоупотребления правом. Однако тем самым контрмера превращается в личную месть⁸.

Безусловно, превращение контрмеры в средневековое возмездие, основанное на принципе «око за око», абсолютно неприемлемо на современном этапе развития международных отношений. Однако полное исключение взаимности в отношениях между причинителем вреда и потерпевшим, полагаю, неправильно. Взаимность как в международном публичном, так и в международном частном праве играет, бесспорно, важную роль в построении межгосударственных отношений. И применение данного принципа при определении пропорциональности контрмер, возможно, будет эффективным, когда, к примеру, имеет место нарушение двустороннего обязательства. Подобное мнение встречается, в частности, в практике международных судебных органов. Так, по делу о применении временного Соглашения от 13 сентября 1995 г. («Бывшая Югославская Республи-

ка Македония против Греции») судья Зимма выразил отдельное мнение в отношении принятого 5 декабря 2011 г. Международным судом ООН решения. Он указал на то, что в международном праве принцип взаимности еще «держится на плаву» и при применении различных способов самозащиты служит главным средством, с помощью которого государства могут добиваться отстаивания своих прав. Этот принцип, по его мнению, особенно наглядно проявляется в сфере функционирования международно-правовых механизмов применения санкций, включая среди прочего контрмеры и взаимный отказ от выполнения договора⁹.

Однако при решении вопроса о пропорциональности контрмер применение принципа взаимности не всегда приемлемо. В частности, в тех случаях, когда имеет место нарушение прав человека, нарушение императивных норм международного права, норм международного права, регулирующих многосторонние отношения. Нарушение данных норм осуществляется в отношении не одного государства, а группы государств или международного сообщества в целом. Следовательно, применение зеркальных ответных мер потерпевшим государством будет наносить ущерб не только государству-правонарушителю, но и иным государствам, входящим в данную группу.

В зарубежной литературе также обращается внимание на то, что критерий взаимности может быть использован при решении вопроса о пропорциональности контрмер, однако он прямо противоречит иному критерию — «средства — цель», который представляется более адекватным характеру данных правоотношений, так как законность контрмер зависит напрямую от целей их применения. А целей применения ответных мер может быть лишь две — либо побудить (принудить) правонарушителя начать исполнять нарушенное им международное обязательство, либо в случае невозможности восстановления прежней ситуации побудить (принудить) осуществить возмещение причиненного ущерба.

На необходимость соизмерения применяемых контрмер с их целями (прекращение противоправного деяния и предоставление надлежащего возмещения) указывается и в отечественной литературе¹⁰. По сути, критерий «средства — цель» базируется на определении приемлемости средств достижения цели контрмер. Следовательно, вопрос о соразмерности напрямую зависит от законности поставленной цели контрмеры, прибегнуть к которой вполне допустимо, если ее цель законна¹¹.

⁶ Air Service Agreement of 27 March 1946 between the United States of America and France // Reports of International Arbitral Awards. Vol. XVIII P. 417–493. URL: https://www.legal.un.org/docs/?path=../riaa/cases/vol_XVIII/417-493.pdf&lang=O (дата обращения: 24.04.2018).

⁷ Лукашук И.И. Право международной ответственности. М.: Волтерс Клавер, 2004. С. 340.

⁸ Cannizaro Enzo. The Role of Proportionality in the Law of International Countermeasures // European Journal of International Law. 2001. Vol. 12. No. 5. P. 891.

⁹ Решение Международного Суда от 5 декабря 2011 г. по делу о применении временного Соглашения от 13 сентября 1995 г. («Бывшая Югославская Республика Македония против Греции») // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда 2008–2012 гг. URL: https://www.legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1_add5.pdf (дата обращения: 10.05.2018).

¹⁰ Кешнер М.В. Контрмеры и санкции как инструменты имплементации международной ответственности государств // Вестник ТИСБИ. 2012. № 1 (49). С. 124.

¹¹ David Kretzmer. The Inherent Right to Self-Defence and Proportionality in Jus Ad Bellum // European Journal of



Полагаю, такой подход является наиболее правильным, поскольку контрмеры не должны носить карательный характер. Они должны применяться не с целью наказания правонарушителя, а для побуждения его к выполнению своих международных обязательств. Потерпевшая сторона не должна руководствоваться стремлением осуществить возмездие, а принимаемые ею меры не должны наносить ущерб международному миру и безопасности. Поэтому контрмеры ни при каких обстоятельствах не должны сводиться к применению силы, о чем прямо указано и в Статьях об ответственности государств, и в многочисленных комментариях государств к статьям.

Таким образом, при определении соразмерности применяемых государством контрмер в отношении пра-

вонарушителя необходимо руководствоваться критериями, позволяющими объективно оценить характер действий потерпевшего государства, чтобы установить легитимность контрмер. В первую очередь необходимо руководствоваться критерием размера причиненного правонарушением ущерба (как, например, в деле о проекте «Габчиково — Надьмарош»¹²). Помимо данного критерия следует также учитывать характер международно-противоправного деяния (его тяжесть) и права, затронутые правонарушением.

International Law. 2013. Vol. 24. Is. 1. P. 237. URL: <https://www.doi.org/10.1093/ejil/chs087> (дата обращения: 10.05.2018).

¹² Решение Международного суда ООН от 25 сентября 1997 г. («Венгрия против Словакии») // Краткое изложение решений, консультативных заключений постановлений Международного суда 1997–2002 гг. Нью-Йорк, 2006. С. 1–15. URL: https://www.legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1_add2.pdf (дата обращения: 12.05.2018).

Литература

1. Кешнер М.В. Контрмеры и санкции как инструменты имплементации международной ответственности государств / М.В. Кешнер // Вестник ТИСБИ. 2012. № 1 (49). С. 122–127.
2. Кешнер М.В. Легитимность санкций в отношении Российской Федерации: международно-правовой анализ / М.В. Кешнер // Журнал российского права. 2015. № 7 (223). С. 141–152.
3. Курдюков Г.И. Контрмеры в международном праве и условия их применения / Г.И. Курдюков // Ученые записки КГУ. 1998. Т. 133. С. 130–137.
4. Лукашук И.И. Право международной ответственности / И.И. Лукашук. М. : Волтерс Клувер, 2004. 404 с.

References

1. Alland D. The Definition of Countermeasures / D. Alland // The Law of International Responsibility. Edited by James Crawford, Alain Pellet, and Simon Olleson. Oxford : Oxford University Press, 2010. P. 1127–1136.
2. Cannizaro E. The Role of Proportionality in the Law of International Countermeasures / E. Cannizaro // European Journal of International Law. 2001. Vol. 12. № 5. P. 889–916.
3. Kretzmer D. The Inherent Right to Self-Defence and Proportionality in Jus Ad Bellum / D. Kretzmer // European Journal of International Law. 2013. Vol. 24. Iss. 1. P. 235–282.
4. Moldner M. Responsibility of International Organizations — Introducing the ILC’s DARIO / M. Moldner // Max Planck Yearbook of United Nations Law. 2012. Vol. 16. P. 281–328.
5. Roeben V. Responsibility in International Law / V. Roeben // Max Planck Yearbook of United Nations Law. 2012. Vol. 16. P. 99–158.



ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ВОЕННО-МОРСКИХ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ 2-Й ПОЛОВИНЫ XIX В.

*Кушнир Светлана Ивановна,
доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин
Воронежского института Федеральной службы исполнения наказаний,
кандидат исторических наук, доцент
Svetlana10002006@yandex.ru*

Статья рассказывает об истории изучения реформы пенитенциарной системы военно-морского ведомства в России во второй половине XIX в. До сих пор этой теме в российской истории уделялось недостаточно внимания. Автору удалось найти лишь четыре публикации, посвященные этой теме. В свете движения к гражданскому обществу и правовому государству думается, что одна из либеральных реформ прошлого заслуживает более глубокого и детального изучения.

Ключевые слова: пенитенциарная система, реформа пенитенциарной системы, военно-морское ведомство, историография тюремных реформ, «Великие реформы».

Research of the History of Reformation of Navy Penal Institutions of the Second Half of the XIX Century

*Kushnir Svetlana I.
Assistant Professor of the Department of Social and Humanitarian
and Economic Disciplines of the VRI of the FPS of Russia
Candidate of Historical Sciences
Assistant Professor*

The article tells about the history of the study of the reform of the penitentiary system of the naval Department in Russia in the second half of the XIX century. So far, this topic has not received enough attention in Russian history. The author was able to find only four publications on this topic. In the light of the movement towards civil society and the rule of law, it seems that one of the liberal reforms of the past deserves a deeper and more detailed study.

Keywords: Penitentiary system, reform of penitentiary system, naval Department, historiography of prison reforms, „Great reforms“.

Реформирование различных сфер общественной жизни, включая реформы силовых структур, движение по пути построения гражданского общества и государства, в котором соблюдаются права его граждан, сделали весьма важным изучение опыта проведения либеральных реформ в нашем государстве во второй половине XIX в. Их частью стало преобразование тюремной системы Российской империи, в частности на флоте.

В советской историографии реформирование исправительных учреждений 2-й половины XIX в. рассматривалось чаще всего с негативной точки зрения, в основном в контексте классово-борьбы.

Примером могут служить исследования В.Д. Виленского-Сибирякова «Каторга и ссылка в русской революции» 1924 г.¹, М.М. Константинова «Каторга и ссылка»²,

вышедшая в 1925 г., в которой автор выделяет два направления исследований — политическая каторга как неотъемлемая часть революционного движения страны и политическая каторга как способ наказания монархией революционеров. «История царской тюрьмы» М.Н. Гернета — фундаментальная работа, которой он посвятил несколько десятилетий упорного исследовательского труда. Автор собрал и обобщил огромный архивный материал по истории царской тюрьмы почти за два столетия. Это пенитенциарное законодательство, воспоминания бывших политзаключенных, статистические данные. Однако в работе практически отсутствует информация, связанная с исправительными учреждениями военно-морского флота России XIX в.

Несмотря на такие глубокие исследования, вопросам пенитенциарных реформ указанного периода, исследованию политических, экономических и социальных предпосылок проведения реформы мест заключения в России, образованию Главного тюремного управления, которое явилось непосредственным исполнителем всех преобразований, уделялось недостаточное внимание.

¹ См.: Виленский-Сибиряков В.Д. Каторга и ссылка в русской революции. М.: Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1924. 15 [1] с. (Политкаторжане — МОПРу.)

² См.: Константинов М.М. Политическая каторга на страницах журнала «Каторга и ссылка» // Каторга и ссылка. 1933. № 4–6. С. 62–63.



Так, в указанной работе М.Н. Гернета есть несколько абзацев, в которых говорится о существовании военно-морских тюрем изучаемого периода, но особо ценными являются численные сведения о количестве содержащихся в них заключенных³.

К сожалению, долгое время тематика пенитенциарных реформ второй половины XIX века не интересовала историков.

По окончании семидесятых годов начали появляться исследовательские работы Т.У. Воробейчиковой и А.Б. Дубровиной, среди которых выделяется «Преобразования административно-полицейского аппарата, суда и тюремной системы России во второй половине XIX века», исследование Д.И. Шинжикашвили «Министерство Внутренних Дел царской России в период империализма», труд В.Г. Смольякова «Тюремная система дореволюционной России, ее реакционная сущность», К.Н. Ефремовой «Министерство юстиции Российской империи 1802–1917 гг. (историко-правовое исследование)», научная работа С.А. Гайдука «Тюремная политика и тюремное законодательство пореформенной России»⁴.

Во всех этих трудах реформа системы исправления рассматривалась как одна из заключительных «Великих реформ», осуществление которой продолжалось даже после смерти Александра II, что стало ее существенной особенностью. Однако работ этих было явно недостаточно, чтобы говорить об изученности вопроса реформирования системы тюрем Российской империи изучаемого периода, а если говорить о таком элементе, как тюрьмы военно-морского ведомства, так эти вопросы не рассматривались вообще.

Следовательно, ситуация в период проведения реформы уголовно-исполнительных органов России во 2-й половине XIX в. даже через сто лет оставалась малоизученной.

В 2004 г. в Воронеже была защищена кандидатская диссертация Д.В. Коломенцевым «Тюремная система России в 50–80-е годы XIX века и ее реформирование», в которой рассматривалось не только состояние тюремных учреждений указанного периода, но и различные проекты преобразований пенитенциарной системы⁵.

В 2010 г. в Оренбурге М.В. Осиповым была представлена на защиту кандидатская диссертация «Тюремная реформа 1879 года и ее реализация в Оренбургской

губернии», где также рассматривались проекты реформирования пенитенциарных учреждений⁶.

Но в указанных работах были рассмотрены преобразования тюрем общего типа.

Стремление к изучению истории армии и флота всегда было достаточно активным. Однако внимание, как правило, было приковано к истории создания боевых подразделений, боевых действий, личности и ее роли. И сейчас интерес к изучению военной истории, и в частности военно-морского флота, не угасает, а это делает своевременным и изучение военно-морских пенитенциарных учреждений.

К сожалению, уровень проработанности этой темы не отвечает ее научной значимости на сегодняшний день. На данный момент имеется лишь очень ограниченный круг работ, касающихся истории пенитенциарных установлений на военно-морском флоте исследуемого периода.

Если рассматривать появление специализированных исследований хронологически, то в первую очередь стоит назвать небольшую информационную статью об исправительных учреждениях морского флота в энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. В статье поясняется, что существовали во 2-й половине XIX в. две тюрьмы — одна в Петербурге, а другая — плавучая в Севастополе. Обе тюрьмы предназначены лишь для рядовых служащих, никак не для офицеров. Далее рассказывается об условиях содержания, т.е. времени содержания и причинах попадания в эти тюрьмы⁷. В работе флотского военного медика Д. Мерцалова «Военно-исправительная тюрьма морского ведомства (санитарно-статистический очерк)» рассматривается санитарное состояние одного из исправительных учреждений в 60–70-е гг. XIX в.⁸ И после этих работ долгое время никаких трудов не появлялось.

В 1990 г. вышла посвященная реформам российского военного флота после Крымской войны монография А.П. Шевырева⁹. И хотя про пенитенциарную реформу на флоте автор не упоминает, он все же рассматривает преобразование военно-морского суда, а также меры по ограничению телесных наказаний на флоте и говорит о том, что все эти мероприятия находились «на периферии реформаторской деятельности Морского министерства».

В конце 1990-х гг. появилась очень интересная статья А.А. Бочарова и М.П. Ирошкина «Из истории становления и деятельности исправительных учреждений Военно-морского флота России (1864–1916)»¹⁰, в кото-

³ Гернет М.Н. История царской тюрьмы : в 5 т. Т. 4. Петропавловская крепость (1900–1917). М., 1962. 3-е изд. С. 20–21.

⁴ См. Воробейчикова Т.У., Дубровина А.Б. Преобразования административно-полицейского аппарата, суда и тюремной системы России во второй половине XIX века. К., 1973 ; Шинжикашвили Д.И. Министерство Внутренних Дел царской России в период империализма. Омск, 1974 ; Смольяков В.Г. Тюремная система дореволюционной России, ее реакционная сущность. М., 1979 ; Ефремова К.Н. Министерство юстиции Российской империи 1802–1917 гг. (историко-правовое исследование). М., 1983 ; Гайдук С.А. Тюремная политика и тюремное законодательство пореформенной России : дис. ... канд. юрид. наук / Академия наук СССР. Институт государства и права. М., 1987.

⁵ Коломенцев Д.В. Тюремная система России в 50–80-е годы XIX века и ее реформирование : дис. ... канд. истор. наук. Воронеж, 2004. 177 с.

⁶ Осипов М.В. Тюремная реформа 1879 года и ее реализация в Оренбургской губернии : дис. ... канд. истор. наук. Оренбург, 2010. 246 с.

⁷ Тюрьмы военно-исправительные морского ведомства / Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 34. Полутом 67. СПб., 1902, С. 368.

⁸ Мерцалов Д. Военно-исправительная тюрьма морского ведомства (санитарно-статистический очерк) // Морской сборник. 1874. № 12. Неофициальный отдел. С. 23–91.

⁹ Шевырев А.П. Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. М., 1990.

¹⁰ Бочаров А.А., Ирошкин М.П. Из истории становления и деятельности исправительных учреждений военно-



рой авторы объясняли, что термин «исправительные учреждения» применяется в основном историками, а вот на императорском флоте России его почти никогда не употребляли. Также в работе был представлен материал, содержащий сведения об истории создания военно-морских тюрем в середине XIX в. Историки писали о том, что работа исправительных органов на флоте содержала не только карательные функции, но и воспитательные, которые способствовали бы «нравственному исправлению заключенных». Авторы подчеркнули, что «предпринятое рассмотрение некоторых сторон деятельности исправительных учреждений Военно-морского флота России далеко не исчерпывает перспектив глубокого и обстоятельного исследования их истории».

И исследования были продолжены: значительной работой стала диссертация А.А. Бочарова «Создание и деятельность исправительных учреждений морского ведомства России (1864–1916)»¹¹ 2005 г., в которой рассматривались реформы на флоте начиная с середины XIX в. Среди рассматриваемых вопросов исследовались положения о тюремном заключении, создание тюрем и дисциплинарных воинских частей военно-морского флота, основные предметы их деятельности. Автор говорил о том, что основным содержанием его исследования являлось изучение функционирования морского министерства в области разработки норм управления и организации исправительного заключения на флоте, образование структуры пенитенциарных учреждений и администрирование ею, а также исследование становления конкретных уголовно-исправительных учреждений на военно-морском императорском флоте. Хронологические рамки исследования (1864–1916) автор объяснил датировками учреждения первого из исправительных органов морского ведомства — Военно-исправительной тюрьмы морского ведомства в Санкт-Петербурге (1864 г.) и последней ликвидации исправительного учреждения (1916 г.). Особую ценность в работе представляют использованные источники и материалы таких архивов, как Российский государственный архив Военно-Морского Флота, Российский государственный исторический архив, Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Отметим, что до настоящего времени именно эта диссертация остается самой объемной работой по изучаемой теме.

Необходимо отметить работу 2002 г. В.Е. Воронина «Великий князь Константин Николаевич: Становление государственного деятеля», в которой автор, исследуя жизнь и деятельность Великого князя, отметил его значительную роль в борьбе за отмену телесных наказаний в русской армии и на флоте¹². Свою работу автор заканчивает сообщением об Указе от 17 апреля 1863 г.,

когда были отменены телесные наказания. Однако автор не упоминает о том, что впоследствии были созданы тюремные учреждения для совершивших правонарушения, которые были призваны заменить собой телесные наказания, в том числе и на флоте.

В продолжение исследований уже в 2010-х гг. вышла статья Е.А. Харьковского «Эволюция пенитенциарных учреждений военно-морского ведомства России XIX века», которая рассказывала о возникновении и развитии пенитенциарных учреждений военно-морского флота, в частности о «Военно-исправительной тюрьме морского ведомства Санкт-Петербурга», «Военно-исправительной плавучей тюрьме» и т.д. В своей работе исследователь отмечает, что «развитие исправительных учреждений Российского флота... началось с арестантских рот морского ведомства в первой половине XIX в.»¹³. Затем Е.А. Харьковский отмечает непосредственную связь учреждения мест исправления на флоте с реформой суда 1864 г. В статье содержится интересный материал, повествующий о процессе долгого обсуждения администрацией военно-морского ведомства наиболее подходящих методов наложения санкций на все нижние чины на флоте.

Автор делает вывод о том, что окончательное формирование пенитенциарной системы военно-морского флота приходится на 2-ю половину XIX века. И несмотря на то, что она эффективно взаимодействовала с однопрофильными армейскими и гражданскими ведомствами, все же имелись в ней свои особенности.

Отдельно стоит выделить работы профессора Д.В. Ливенцева «Военно-морские исправительные учреждения для несовершеннолетних английских преступников в начале XX века»¹⁴ и «Проект российских военно-промышленных исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников в начале XX века»¹⁵, в которой воссоздается организация исправительной системы русских учебных кораблей для перевоспитания несовершеннолетних преступников в начале XX в. Кроме того, уделяется внимание мировой истории исправительных учреждений.

В общих трудах по истории Военно-морского флота очерки об исправительных учреждениях почти не представлены. Укажем параграф «Места заключения морского ведомства» официального обзорного труда К.А. Манна.

В большой работе С.Ф. Огородникова «Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования», посвященной истории развития этого учреждения, упоминается

морского флота России (1864–1916 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 1999. № 3. С. 80–86.

¹¹ Бочаров А.А. Создание и деятельность исправительных учреждений морского ведомства России (1864–1916) : дис. ... д-ра истор. наук. СПб., 2005. 252 с.

¹² Воронин В.Е. Великий князь Константин Николаевич: Становление государственного деятеля. М. : Русский мир, 2002.

¹³ Харьковский Е.А. Эволюция пенитенциарных учреждений военно-морского ведомства России XIX века // Человек. Преступление и наказание. 2012. № 4. С. 21.

¹⁴ Ливенцев Д.В. Военно-морские исправительные учреждения для несовершеннолетних английских преступников в начале XX века // История государства и права. 2016. № 23. С. 47–50.

¹⁵ Ливенцев Д.В. Проект российских военно-промышленных исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников в начале XX века // История государства и права. 2017. № 10. С. 12–14.



лишь эпизод, связанный с созданием в 1864 г. Военно-исправительной тюрьмы морского ведомства в Петербурге.

В представленной статье осуществлена попытка определить ряд течений в изучении пенитенциарных

учреждений на военно-морском флоте во 2-й половине XIX в. в России, их устройства и организации. Автор приходит к выводу о том, что проблема эта по-прежнему остается незаслуженно малоизученной и требует дальнейшего исследования.

Литература

1. Бочаров А.А. Военно-морские плавучие тюрьмы в России (1884–1916) / А.А. Бочаров // Клио. 2002. № 2 (17). С. 183–189.
2. Бочаров А.А. Из истории становления и деятельности исправительных учреждений военно-морского флота России (1864–1916 гг.) / А.А. Бочаров // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 1999. № 3. С. 80–86.
3. Виленский-Сибиряков В.Д. Каторга и ссылка в русской революции / В.Л. Виленский-Сибиряков. М. : Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1924. 15 с.
4. Воробейчикова Т.У. Преобразования административно-полицейского аппарата, суда и тюремной системы России во второй половине XIX века / Т.У. Воробейчикова, А.Б. Дубровина. К. : [б. и.], 1973. 67 с.
5. Воронин В.Е. Великий князь Константин Николаевич: Становление государственного деятеля / В.Е. Воронин. М. : Русский мир, 2002. 287 с.
6. Гайдук С.А. Тюремная политика и тюремное законодательство пореформенной России : дис. ... канд. юрид. наук / С.А. Гайдук. М., 1987. 226 с.
7. Гернет М.Н. История царской тюрьмы : в 5 т. Т. 1 (1762–1825) / М.Н. Гернет. М. : Госюриздат, 1960. 3-е изд. 384 с.
8. Гернет М.Н. История царской тюрьмы : в 5 т. Т. 2 (1825–1870) / М.Н. Гернет. М. : Госюриздат, 1961. 3-е изд. 582 с.
9. Гернет М.Н. История царской тюрьмы : в 5 т. Т. 3 (1870–1900) / М.Н. Гернет. М. : Госюриздат, 1961. 3-е изд. 430 с.
10. Гернет М.Н. История царской тюрьмы : в 5 т. Т. 4. Петропавловская крепость (1900–1917) / М.Н. Гернет. М. : Госюриздат, 1962. 3-е изд. 302 с.
11. Гернет М.Н. История царской тюрьмы : в 5 т. Т. 5. Шлиссельбургская каторжная тюрьма и Орловский каторжный централ (1907–1917) / М.Н. Гернет. М. : Госюриздат, 1963. 3-е изд. 340 с.
12. Ефремова К.Н. Министерство юстиции Российской империи 1802–1917 гг. (историко-правовое исследование) / К.Н. Ефремова. М. : Наука, 1983. 149 с.
13. Коломенцев Д.В. Тюремная система России в 50–80-е годы XIX века и ее реформирование : дис. ... канд. истор. наук / Д.В. Коломенцев. Воронеж, 2004. 177 с.
14. Константинов М.М. Политическая каторга на страницах журнала «Каторга и ссылка» / М.М. Константинов // Каторга и ссылка. 1933. № 4–6. С. 62–63.
15. Ливенцев Д.В. Военно-морские исправительные учреждения для несовершеннолетних английских преступников в начале XX века / Д.В. Ливенцев // История государства и права. 2016. № 23. С. 47–50.
16. Ливенцев Д.В. Проект российских военно-промышленных исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников в начале XX века / Д.В. Ливенцев // История государства и права. 2017. № 10. С. 12–14.
17. Мерцалов Д. Военно-исправительная тюрьма морского ведомства (санитарно-статистический очерк) / Д. Мерцалов // Морской сборник. 1874. № 12. Неофициальный отдел. С. 23–91.
18. Обзор деятельности морского управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича. 1855–1880 / сост. под рук. К.А. Манна. СПб. : тип. Мор. м-ва, 1880. Ч. 2. С. 753–758.
19. Огородников С.Ф. Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования / С.Ф. Огородников. СПб. : тип. Мор. м-ва, 1902. 264 с.
20. Осипов М.В. Тюремная реформа 1879 года и ее реализация в Оренбургской губернии : дис. ... канд. истор. наук / М.В. Осипов. Оренбург, 2010. 246 с.
21. Тюрьмы военно-исправительные морского ведомства / Энциклопедический словарь / под ред. проф. И.Е. Андреевского Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 34. Полутом 67. СПб. : Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1902. 842 с.
22. Харьковский Е.Л. Эволюция пенитенциарных учреждений военно-морского ведомства России XIX века / Е.Л. Харьковский // Человек. Преступление и наказание. 2012. № 4. С. 21–24.
23. Шевырев А.П. Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы / А.П. Шевырев. М. : Изд-во МГУ, 1990. 183 с.